

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНТИЭЙДЖИСТСКИЕ ВЕБ-СООБЩЕСТВА В СОЦСЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Ирина Владимировна Прус

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

prus.irene@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается производство критической версии антиэйджистского проекта. «Антиэйджизм» — эмпное название для небольшого веб-сообщества, которое возникло в 2012 г. и на сегодняшний день представлено несколькими группами и пабликами в соцсети «ВКонтакте» с общей задачей, формулируемой как противостояние эйджизму, или дискриминации детей и подростков по возрасту. Участники этого веб-сообщества репрезентируют себя как идейных новаторов, которые производят новое понимание детских ролей и стремятся к изменению социального порядка. Около 2015 г. в их риторических стратегиях произошел переход от свидетельств личных обид к публикации текстов, которые произведены в технике критических социальных теорий и посредством которых авторы-антиэйджисты осуждают тотальную систему эйджизма. Участники антиэйджистских пабликов стали использовать мотив угнетения как главный стратегически развернутый риторический прием, формулируя представления о справедливости и предлагая образы агентного ребенка. Привлечение этой дискурсивной стратегии встраивает кейс русскоязычного антиэйджизма в соцсети «ВКонтакте» в тенденции академической и активистской критики господствующих и репрессивных категориальных аппаратов. Автор анализирует механизмы трансфера интерпретативных техник критической теории, в частности выбор культурных союзников антиэйджизма, в перспективе цифровой этнографии и помещает их в контекст социально-политических изменений, обращая внимание на материальные, или технологические, условия производства антиэйджистского дискурса и модусы социальности конкретных веб-фрагментов. Во второй части статьи продемонстрировано, как антиэйджистский текст воплощается в социальном воображении участников антиэйджистских веб-сообществ. Потенциал перевода угнетения детей и подростков из текстуального мотива в технику, которую антиэйджисты используют при воображении и репрезентации себя и других, открывает перспективу для дискуссии о месте критической теории в сценах повседневной жизни.

Ключевые слова: антиэйджизм, «ВКонтакте», цифровая этнография, новая социология детства, детская агентность.

Для ссылок: Прус И. Справедливость для детей и подростков: критическая теория и антиэйджистские веб-сообщества в соцсети «ВКонтакте» // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 11–52.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-11-52

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/prus.pdf>

JUSTICE FOR CHILDREN AND ADOLESCENTS: CRITICAL THEORY AND ANTI-AGEIST VK WEB COMMUNITIES

Irina Prus

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
prus.irene@gmail.com

Abstract: This article discusses the production of a critical anti-ageism project. In this case ‘anti-ageism’ is an emic name for a small-scale web community of several readerships and groups that emerged in 2012 in VK social media. Its participants aim to stand against ageism, meaning discrimination against children and adolescents based on their age. Anti-ageists identify themselves as innovators who produce new ways of imagining children’s roles and challenging the social order. In 2015 their rhetorical strategies changed from producing evidence about personal trauma to formulating texts in the technique of critical social theory. The last ones include condemning ageism as a total system, and various situations and social relations as oppression, exploitation, or domination of children and adolescents, whatever the forms in which they occur. With oppression as a key strategically deployed rhetorical trope the discourse of anti-ageist VK web communities invites comparison with the tendencies of the academic and activist critique of dominant and repressive categorical apparatus. At the same time, the anti-ageists redefine the collective understanding of justice by proposing new visions of children’s agency and scenarios of children’s behaviour. The mechanisms of transfer of interpretive techniques of critical theory, especially the choice of cultural allies of anti-ageism, are presented from the perspective of digital ethnography and placed in the context of sociopolitical changes with attention to the material or technological landscapes and the modes of sociality of specific web fragments. The second part of the article demonstrates how anti-ageism is not only articulated on the internet but also embodied in the social imagination of participants in anti-ageist web communities. Transferring the oppression of children and adolescents from a textual motif into a technique that anti-ageists use in imagining and representing themselves and others opens up the prospect for a discussion about the place of critical theory in the scenes of everyday life.

Key words: anti-ageism, VK social media, digital ethnography, new sociology of childhood, children's agency.

To cite: Prus I., 'Spravedlivost dlya detey i podrostkov: kriticheskaya teoriya i antieydzhistkie veb-soobshchestva v sotsseti "VKontakte"' [Justice for Children and Adolescents: Critical Theory and Anti-Ageist VK Web Communities], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 11–52.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-11-52

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/prus.pdf>

Ирина Прус

Справедливость для детей и подростков: критическая теория и антиэйджистские веб-сообщества в соцсети «ВКонтакте»

В статье обсуждается производство критической версии антиэйджистского проекта. «Антиэйджизм» — эмное название для небольшого веб-сообщества, которое возникло в 2012 г. и на сегодняшний день представлено несколькими группами и пабликами в соцсети «ВКонтакте» с общей задачей, формулируемой как противостояние эйджизму, или дискриминации детей и подростков по возрасту. Участники этого веб-сообщества репрезентируют себя как идейных новаторов, которые производят новое понимание детских ролей и стремятся к изменению социального порядка. Около 2015 г. в их риторических стратегиях произошел переход от свидетельств личных обид к публикации текстов, которые произведены в технике критических социальных теорий и посредством которых авторы-антиэйджисты осуждают тотальную систему эйджизма. Участники антиэйджистских пабликов стали использовать мотив угнетения как главный стратегически развернутый риторический прием, формулируя представления о справедливости и предлагая образы агентного ребенка. Привлечение этой дискурсивной стратегии встраивает кейс русскоязычного антиэйджизма в соцсети «ВКонтакте» в тенденции академической и активистской критики господствующих и репрессивных категориальных аппаратов. Автор анализирует механизмы трансфера интерпретативных техник критической теории, в частности выбор культурных союзников антиэйджизма, в перспективе цифровой этнографии и помещает их в контекст социально-политических изменений, обращая внимание на материальные, или технологические, условия производства антиэйджистского дискурса и модусы социальности конкретных веб-фрагментов. Во второй части статьи продемонстрировано, как антиэйджистский текст воплощается в социальном воображении участников антиэйджистских веб-сообществ. Потенциал перевода угнетения детей и подростков из текстуального мотива в технику, которую антиэйджисты используют при воображении и репрезентации себя и других, открывает перспективу для дискуссии о месте критической теории в сценах повседневной жизни.

Ключевые слова: антиэйджизм, «ВКонтакте», цифровая этнография, новая социология детства, детская агентность.

Необходимость переосмысления полевой работы включила в исследовательский инструментарий техники самокритики и саморефлексии, обнажающие автора, а точнее конфигурацию его или ее ролей, политических убеждений и эмоциональных состояний, как ключ к пониманию этнографического текста. Полевой опыт, который «больше не такой, как был раньше», подталкивал фиксировать «общие места» внутри и вне академии и разрабатывать на их основе новые методологические стратегии [Marcus 2009]. Исследователи и информанты оказались включены в одни и те же практики, от аудита до самих этнографических исследований; информанты начали смотреть через плечо исследователей и стали соучастниками и эпистемическими партнерами в этнографической работе, начали читать те же книги и разговаривать на том же языке, используя

Ирина Владимировна Прус
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
prus.irene@gmail.com

академические термины и риторические стратегии для артикуляции своих представлений¹.

С такими информантами, или коллегами, я встретила, проводя поле в антиэйджистских веб-сообществах «ВКонтакте». Читая публикации, разговаривая с участниками пабликов и наблюдая за их коммуникацией между собой, я узнавала в риторике моих собеседников те самые или очень похожие интерпретативные техники и стили аргументации, которые составляли мой исследовательский инструментарий и которые были мне знакомы по опыту освоения языка критических теорий и исследований отношений власти и угнетения. С помощью антиэйджистского сюжета я хочу рассмотреть практикуемые формы критической теории и контекст подобной интеллектуальной и языковой близости.

Исследовательский контекст и постановка проблемы: критика как практика, привычка и прикрытие

Опираясь на работу Л. Болтански, под критической теорией я понимаю такие интерпретативные техники, «утверждающие существование глубоких, устойчивых асимметрий, которые, принимая разные формы в разных контекстах, постоянно дублируются до такой степени, что колонизируют реальность в целом» [Boltanski 2011: 2]. Согласно Болтански, эти аналитические техники, известные как концепции социального доминирования, направлены на скрытые, недоступные непосредственному наблюдению механизмы осуществления и перераспределения власти, которые включены в тотальную систему угнетения, эксплуатации или господства. В таком виде критика признается сегодня академическим мейнстримом, базовой логикой социального исследователя [Boltanski 2011: 18–19; Anker, Felski 2017: 13] и формирует институциональный ландшафт академии посредством исследовательских центров, дисциплин и учебных программ, в названиях которых присутствуют “critical”, “critique” и их производные.

Интересу к практикуемым формам критики вне академии как к исследовательской проблеме способствовали две взаимосвязанные, но разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в то время как критическая теория кристаллизовалась в способы легитимного академического высказывания, встроивший

¹ Ключевые авторы и интеллектуальный контекст пересмотра полевой работы и дизайна этнографического текста в 1970–1980-х и 1990–2000-х гг. подробно представлены в двух дискуссиях «Антропологического форума» [Форум 2005; 2016]. Вопрос об общих риторических и семантических элементах языка социальных теорий и языка информантов поднимался, например: [Hale 2006; Штырков 2020; Хонинаева 2021].

в нее саморефлексивный механизм создал «критику критики», которая фиксировала утрату у критического инструментария эффективного исследовательского потенциала [Anker, Felski 2017: 15–17]. Критика стала опознаваться не как новаторская методология, а как лишенный инновативного флера нормативный стиль мышления или этос академических авторов [Felski 2015: 4–7], как параноидальная привычка чтения и автоматической артикуляции [Sedgwick 2003: 124–125], как набор этических реверансов [Graeber 2014: 81, 83–84].

С другой стороны, анализ современных форм критики актуализируется в ответ на процесс «возвращения» академически разработанного репертуара терминов и техник аргументации в активистский праксис [Collins 2015: 3, 15–17]. Выстраивая свою исследовательскую программу с оглядкой на цели и деятельность оппозиционных социальных движений и отождествляя себя с ними, критическая теория включала задачу по производству дискурсивных ресурсов для современных культурных и политических дискуссий. В качестве рефлексивной техники в мире, в котором, как замечает И.К. Седжвик, «не стоит большого усилия найти доказательства системного угнетения» [Sedgwick 2003: 125–126], критическую теорию определяли как фундаментальную риторическую матрицу для разработки языков «новых социальных движений» независимо от их политического или идеологического содержания [Summers 2019: 3], как нормативную форму современного политического несогласия [Butler 2009: 775, 786] или как дискурсивную оболочку политики идентичности и настольный учебник для обсуждений «проблемных» категорий идентификации [Jameson 1995: 261–264; Rajchman 1995: VII–VIII; Brubaker 2016]. При этом леволиберальные формы критики узнавались и в принципах, легитимирующих изощренные формы эксплуатации позднего капитализма [Болтански, Кьяпелло 2011: 76–77], в стратегиях разворачивания правоконсервативных высказываний и в нарративных конструкциях конспирологических теорий [Latour 2004].

Таким образом, критика приобрела репутацию своеобразной дискурсивной жвачки, стерильных конструктов, вмещающих любое содержание: она «утратила» потенциал как эффективно-аналитического инструмента, так и движущей силы радикальных политических и социальных трансформаций, превратившись в общее место академии и публичной сферы, и, как замечает Дж. Маркус, оказалась встроена в сами сцены повседневной жизни [Marcus 2007: 1132].

Как я покажу далее, антиэйджистские паблики в соцсети «ВКонтакте» можно считать одним из примеров такого «возвращения»

критики в обыденную жизнь, который в то же время демонстрирует иной модус функционирования и иной потенциал современного критического дискурса. Чтобы увидеть, как связаны критические теории и антиэйджистский дискурс, я предлагаю понимать их как равноправные «проекты знания» по аналогии с тем, как П.Х. Коллинз, опираясь на категориальный аппарат социологии знания, подходит к анализу академической и активистской версий интерсекциональности [Collins 2015], а Маркус и его коллеги разбирают этнографии экспертов [Marcus 2007: 1139; Deeb, Marcus 2011]. Такой подход позволит, с одной стороны, рассматривать академические критические теории, которые касаются положения несовершеннолетних, в одной плоскости с антиэйджистским дискурсивным проектом, создаваемым в пабликах «ВКонтакте»¹, а с другой — пренебречь вопросами о «правильной» критике и деформации ее академической и публичной версий, введя антропологическое измерение — конкретных людей и практикуемые ими критические теории.

Меня интересуют механизмы производства и эффекты интерпретативных техник критической теории и способов их артикуляции в антиэйджистских веб-сообществах. В статье рассмотрены два вопроса. Через какие механизмы и в каком контексте происходит трансфер критики в антиэйджизм? Как производится критическая версия антиэйджистского дискурсивного проекта в нарративах участников? Такое двухчастное повествование отчасти спровоцировано условиями полевой работы, организованной с опорой на методы этнографии социальных сетей в версии Дж. Постилла и С. Пинк [Postill, Pink 2012]. Постилл и Пинк переосмысливают дихотомию онлайн-/офлайн-мира, призывая применять конвенциональные этнографические методы, такие как наблюдение и интервью, к онлайн-объектам и обращать внимание не только на тексты, но и на конкретные контексты, которые структурируют высказывания. Методы этнографии социальных сетей, как я покажу далее, позволяют увидеть дистанцию в режимах публичности «активистов», «экспертов» и «элит» — более привычных героев этнографии проектов знания — и авторов в антиэйджистских пабликах.

¹ Чтобы дополнительно подчеркнуть этот прием, я помещаю параграф об исследовательских концепциях угнетения и дискриминации детей и подростков после истории про антиэйджизм пабликов «ВКонтакте». Таким образом, я еще раз акцентирую, что академическая дискуссия о несовершеннолетних здесь появляется не в качестве исследовательского контекста или теоретической рамки, а как материал для анализа, который позволяет четче интерпретировать русскоязычный антиэйджистский дискурс.

Поле и материалы

Этнографический материал, цитируемый в работе, собран в период с 2020 по 2022 г. и включает архив публикаций, полевые дневники наблюдения в пабликах и чатах, интервью с активными участниками и администраторами антиэйджистских веб-сообществ. Под антиэйджистским веб-сообществом я понимаю сеть, состоящую из нескольких крупных пабликов, которые появлялись в соцсети «ВКонтакте» начиная с 2012 г. и выступали ключевыми площадками для разработки антиэйджистского дискурсивного проекта, и их многочисленных эрзац-версий. Вид этой сети на протяжении десяти лет менялся: авторы переходили из паблика в паблик, администраторы сменяли друг друга, а разные версии языка говорения о «детском» появлялись, трансформировались и исчезали. При этом антиэйджистские веб-сообщества в русскоязычном сегменте интернета функционировали и продолжают функционировать как изолированные площадки производства антиэйджистских дискурсивных стратегий и в целом русскоязычного антиэйджизма как интеллектуального проекта¹.

Общее количество подписчиков этих пабликов не дает никакого представления о тех людях, которые участвуют в формулировании антиэйджизма, обсуждая его в чатах и комментариях, публикуя, отбирая и редактируя тексты, появляющиеся в ленте. Мои собеседники — администраторы, авторы и регулярные участники чатов — часто сами не подписаны на паблики: они просто посещают их, находя в строке поиска или среди ранее просмотренных страниц, узнают о недавних публикациях через систему уведомлений или из антиэйджистских чатов. Некоторые информанты не только не видят необходимости в подписке, но и хотят скрыть «странную» и «вызывающую вопросы» ВК-группу от родителей, которые проверяют их страницы в социальных сетях. К тому же анонимные посты, опубликованные от имени ВК-сообщества, скрывают имена и количество авторов.

Мои собеседницы Аня² (24 года, администратор паблика, 12 лет в антиэйджизме) и Катя (18 лет, администратор паблика, 4 года в антиэйджизме) предполагали, что с момента появления чата в одном из пабликов в 2016 г. и до нашего разговора можно вспомнить около 50–60 участников, которые появлялись в антиэйджистском сообществе в качестве активных авторов или завсегдадаев беседы. К 2020 г., времени моего первого поля,

¹ Несколько раз публикации, посвященные антиэйджизму, выходили на медиaplatforme «Мел» [«Вырастешь — поймешь» 2020; Экфорд 2020].

² Имена информантов изменены.

публиковали тексты и общались в чатах около 30 антиэйджистов.

Для решения задач, поставленных в статье, мне достаточно представить изменения, произошедшие в период примерно с 2015 по начало 2022 г. в трех главных пабликах — «Детско-молодежное освободительное движение БЗР [Борьба за равноправие]» (далее — БЗР), «АЭК: Антиэйджистская коалиция» (далее — АЭК), «Подслушано: эйджизм». Эти изменения можно охарактеризовать как реорганизацию инфраструктуры самих пабликов и эпистемологический сдвиг в антиэйджистском знании.

Критические теории в антиэйджистской рецепции

Антиэйджистский проект в варианте паблика БЗР: предыстория дискурса угнетения детей и подростков

Первое антиэйджистское веб-сообщество «ВКонтакте» «Детско-молодежное освободительное движение БЗР» было создано в 2012 г. администратором Аней, которой на тот момент было 11–12 лет. К этому времени социальная сеть «ВКонтакте» не только стала самой популярной в русскоязычном сегменте интернета, но и опознавалась пользователями как пространство свободного, честного и развернутого публичного самовыражения [Клеман и др. 2010: 66–67; Алюков 2014: 181–182, 191]¹. БЗР, на которую будут ориентироваться все созданные впоследствии паблики, в период с 2012 по 2015 г. функционировала как группа с открытой стеной (т.е. опубликовать текст мог любой пользователь соцсети), а администраторы активно комментировали новые публикации и отвечали на реакции других пользователей. Такая организация жизни веб-сообщества соответствовала главным задачам, сформулированным первыми антиэйджистами: по замыслу администратора Ани участники любого возраста и с разными представлениями о детях должны были в процессе дискуссии прийти к консенсусу, выработать «общее решение детских проблем» (которые в первые годы существования паблика преимущественно концентрировались вокруг тем физического и символического насилия в семье и школе), а самое главное — сделать эти проблемы видимыми. Таким образом, постоянной артикуляции «детских проблем» способ-

¹ На выбор платформы создателями БЗР, скорее всего, повлияли и популярность социальной сети «ВКонтакте», ставшей самой посещаемой среди русскоязычных пользователей в 2011 г. [ВКонтакте 2011], и сложившиеся представления о структурной иерархии русскоязычного сегмента интернета. Так, создательница и администратор паблика Аня отмечала, что воспринимала Mail.ru и «ВКонтакте» как площадки более молодой и активной аудитории по сравнению с другими социальными сетями. Типологически похожие сюжеты о том, как воображение аудитории, в том числе через категории возраста, влияет на практики пользователей, исследователи отмечали для соцсетей LiveJournal, Facebook, MySpace [Горный 2009; boyd 2011; Miltner, Gerrard 2022].

ствовали как активное участие администраторов БЗР в поддержке дискуссий, так и свободный доступ к высказыванию в группе, отсутствие четких правил сообщества и минимальная модерация контента¹.

Публикационный репертуар антиэйджистской группы БЗР составляли разные по жанру медиатексты (автобиографические рассказы, демотиваторы, мемы, абстрактные рассуждения и новостные заметки), которые обращались к одной и той же теме: детство — это период постоянных обид, несправедливости и, самое главное, травм. Эти травмы были представлены как результат «незаконных» и «морально неправильных» действий различных, но однотипных по своей сути взрослых акторов, которые репрезентировались в пабликах как глупые и непонимающие (детей и современный мир) или как злые и опасные (для детей и всего мира)². На первом этапе авторы-антиэйджисты фокусировались на разоблачении скрытых мотивов «взрослых-врагов» и занимались тем, что принято называть «языковым нападением», выражающимся не только в последовательной демонизации взрослых, но и в изобретении специальных дисфемизмов для обсуждения детско-взрослых отношений³.

Поиск скрытых мотивов учителей, родителей и публичных акторов, говорящих о несовершеннолетних от лица государства, и языковая агрессия авторов БЗР не только оказываются созвучны парадигмам ведения дискуссий в русскоязычной публичной сфере в это время (например, их можно сравнить с языком вражды российско-украинского конфликта в 2014–2015 гг. и обсуждениями «мизулинщины» в 2013–2016 гг. [Зеленина 2017; Радченко, Архипова 2018]), но и предстают как инверсии публичной риторики «детского вопроса» в первой половине 2010-х гг., в которой дети и подростки конструировались и беззащитными, и опасными существами без моральной и политической субъектности [Львовский 2010; Ерпылева 2014: 131–132; Желнина 2014: 147].

¹ **Аня:** У нас никогда не было какого-то централизованного, мы считали, что пусть люди высказываются так, как считают нужным.

— А бывало, что удаляли записи?

Аня: <...> Ну бывало такое, да. Но, как правило, не потому, что кто-то над этой темой думает недостаточно последовательно или не так, как мы. Мы скорее это оставим и напишем, если человек неправ.

² «Защитники семьи и “традиционных ценностей” громче всех кричат о морали, защите детей от сексуального растления, а реально их позиция — как раз в покрывании всяких подонков и педофилов. Ведь за закрытыми дверями семьи можно творить с детьми что угодно» — комментарий Wadd As-Saba2i от 5 августа к посту [Пчелы за мед 2013]. Здесь и далее в цитируемых публикациях сохранены авторская орфография и пунктуация.

³ Так, в антиэйджистских пабликах появляются дегуманизирующие дисфемизмы «Родятлы», «зомбированные “недолюди”» и «КОРявые» [Дети должны знать свои права 2012].

Угнетение детей и подростков: антиэйджистская версия

За несколько лет подобной дискурсивной работы авторов-антиэйджистов репрезентация ребенка как жертвы «травмы», «несправедливости», «незаконности» и «аморальности» стала самоочевидной, как и то, что родители, учителя и политики выступают источниками этой проблемы.

Примерно в 2014–2015 гг. группа БЗР, по воспоминаниям ее администратора и некоторых участников, заставших то время, переживает «кризис», или утрату «детской темы». Стена паблика превращается в обсуждение различных и прямо не связанных с детскими или семейными вопросами политических сюжетов¹. А автобиографические свидетельства нанесенных взрослыми обид, которые прежде поддерживались лайками и комментариями, становятся самыми непопулярными, игнорируемыми читателями публикациями².

В это же время в БЗР появляются авторы, не согласные с тем, как представлен антиэйджизм. Постепенно они набирают единомышленников и создают новые веб-сообщества — «Подслушано: эйджизм» и АЭК. Одним из проявлений этого внутреннего конфликта можно считать публикацию в мае 2016 г. первых правил сообщества БЗР, в которых администраторы паблика ограничили темы обсуждения в постах и комментариях и ввели санкции за нарушение предложенных коммуникативных норм [Узрите 2016]. Вместе с тем администраторы каждого паблика включили «предложку»: появившаяся строка ввода текста стала обязывать пользователя отправлять свою публикацию не сразу в общедоступное пространство веб-сообщества, а администратору на проверку и редактуру. Изменились режим участия в пабликах и представление о функции опубликованных текстов: вместо открытой дискуссии и коллективного поиска доказательств и решений модерация и «предложка» потребовали от авторов создания текстов в заданной конфигурации смыслов и жанров, а цель публикации понималась как информирование всех о социальной проблеме, малоизвестной, но уже обоснованной для самих участников.

На фоне трансформации режима публичности и доступа к высказыванию происходят изменения в антиэйджистской эпистемологии. С 2015–2016 гг. «жертва» в антиэйджистских публикациях стала конструироваться не в рамках конкретных событий детско-взрослых отношений, а через подавляемую

¹ В качестве примера можно привести комментарии к публикации [Хорошо ответил 2014].

² Например, автор поста, начинающегося словами «Всем привет, моя мать меня ненавидит», пишет канонический для ранней БЗР текст о сложных отношениях с родителями, но не получает ни одного комментария от участников [Всем привет 2016].

позицию, переживаемую детьми постоянно и требующую от них более системного противостояния. Этот сдвиг в антиэйджистском знании потребовал новых стратегий построения нарративов и моделей интерпретации детей и их социальной роли: в антиэйджистских публикациях начинает распространяться мотив угнетения как главный стратегически развернутый риторический прием.

Механизмы научения новому языку говорения о «детском» и «подростковом» эксплицитно представлены в тех публикациях, где авторы последовательно проводят аналогии между дискриминацией детей и подростков и другими видами угнетения. Повествование из линейного трансформировалось в образное, построенное на объединении и сопоставлении нескольких феноменов, хронологически и содержательно удаленных друг от друга, через приписывание им общего смысла. Так, авторы используют образы сексизма и сексиста, чтобы легитимировать свои взгляды на детско-взрослые отношения как отношения угнетения через помещение голосов «Сексиста 19 века» и «Эйджиста 21 века» рядом как построенных на одних и тех же логических пресуппозициях и с помощью одних и тех же риторических стратегий.

Сексист 19 века: Боже, да нет такой проблемы, как патриархат. Вы просто кучка истеричных женщин. Посмотрите, женщины находятся под защитой мужчин, мужчины все им покупают, женщины не должны работать, и мужья могут их всегда защитить. То есть, быть женщиной гораздо проще, чем быть мужчиной. Но было бы безумием дать им право голоса и позволить самостоятельно принимать важные решения, касающиеся их жизни. Я так говорю из-за того, что женщины неспособны мыслить так же рационально, как мужчины. <...>

Эйджист 21 века: Боже, да не существует никаких привилегий взрослых! Вы просто кучка нытиков. Посмотрите, дети, подростки и молодые люди находятся под защитой взрослых, взрослые все им покупают, они не должны работать, и родители могут их всегда защитить. То есть, быть ребенком или подростком гораздо проще, чем быть взрослым. Но было бы безумием дать детям право голоса и позволить самостоятельно принимать важные решения, касающиеся их жизни. Я говорю так из-за того, что они неспособны мыслить так же рационально, как взрослые. Плюс, они слишком склонны к аморальному поведению. Им нужно руководство взрослых, которые бы их направляли. Мы контролируем их потому, что они слабые, а мы их любим. Да, иногда взрослые издеваются над детьми, но это не значит, что отношение общества к детям, подросткам и молодым людям является в корне неправильным [Сексист 19 века 2019].

Авторы-антиэйджисты, переводя феминистские высказывания под «детские» темы, расширяют собственный терминологический аппарат и изобретают «эйджистский язык», словарь лексем, который позволяет участникам опознать «эйджистов» и маркировать их высказывания как дискриминирующие [Экфорд 2016].

Феминистки часто говорят о «культуре изнасилования» (“Rare Culture”), понимая под этим термином то, что наше общество допускает и даже нормализует сексуальное насилие, тем самым превращая его в распространенную проблему <...>. Думаю, активистам за права и освобождение молодежи пора ввести термин «культура насилия над детьми» (“Child Abuse Culture”), обозначив этим термином то, как наше общество допускает и даже нормализует насилие над детьми, тем самым делая эту проблему крайне распространенной [Феминистки часто говорят 2019].

Изучая гетерогенное пространство феминистского движения, проекты интерпретации категории «гендер» и программы разных течений, авторы-антиэйджисты формулируют «эйджизм» как тотальную систему угнетения. С их точки зрения, эта система, подобно патриархату у феминистских теоретиков, экономически сформированная, укорененная в языке, наученная через литературные образцы, институционально закрепленная¹ и т.д.

Риторические приемы производства антиэйджистского дискурса через аналогии находят выражение и в утверждении эйджизма как дискриминации, лежащей в основе других видов угнетения. Так, по аналогии с гендером, «возраст» начинает репрезентироваться как «признак», по которому дискриминируют². Новое концептуальное наполнение категории «возраст» позволяет авторам по-новому объединять детей в обобщенную маргинальную группу: если до языка угнетения детей и подростков объединяла общая «социальная боль», как сказал бы Дж. Александер [Александер 2013: 275], основанная на проживании однотипных конфликтов между детьми и взрослыми, то «возрастной признак» был связан с воображением эйджизма как дискриминации, которая затрагивает каждого с момента рождения, предшествует другим видам угнетения и интенсифицирует их влияние³.

¹ «Эйджизм — это очень сложное явление, и здесь описаны лишь несколько наиболее распространенных способов его проявления. Тем не менее, когда вы станете замечать эти проявления эйджизма в реальной жизни, вы сможете осознать, что эйджизм действительно существует» [О’Нил 2017].

² «На каждом кабинете в детской поликлинике написано: “Прием детей до 15 лет осуществляется только в присутствии родителя (законного представителя)” <...> почему меня дискриминировали по врожденному признаку, как дата рождения?» [На каждом кабинете 2019].

³ «Эйджизм как основа других видов дискриминации. Часть 2. Влияние на системы угнетения» [Экфорд 2017].

Довольно разумно, вот только репродуктивное насилие не существовало бы в мире без эйджизма. Во всяком случае, в таком масштабе. Просто потому что в мире, где детей не рассматривали бы как признак статуса или в качестве кого-то, на кого еще до рождения можно переложить обязанности, а рассматривали бы в качестве личностей, такое насилие выглядело бы нелепо [Вот цитата 2019].

При этом «чувствительная» и «мягкая» риторика интерсекциональности, ставшая популярной в русскоязычном фемдискурсе социальных медиа, особенно в соцсети «ВКонтакте», во второй половине 2010-х гг. [Perheentupa 2018: 121], оказалась отдельным предметом критики в антиэйджистских пабликах. Большинство авторов-антиэйджистов рассматривали маргинализированную детскую идентичность, сведенную угнетающей системой до «объекта» или «признака статуса», как универсальную. Для них позиция угнетенного ребенка делала несущественным влияние гендера, расы, национальности, социального или экономического положения конкретных несовершеннолетних.

Никакие оправдания насилия мальчика в отношении девочки в стиле «ты ему просто нравишься» не отменяют того факта, что и мальчик, и девочка, и более взрослые версии их обоих НЕ ВЫБИРАЮТ, где им находиться, чем заниматься и кого допустить в свое окружение. Все эти вопросы решаются НАСИЛЬСТВЕННО и к полу не имеют никакого отношения. <...> Женщины возмущены запретом на некоторые профессии, девочкам (да и мальчикам) недоступны даже многие основные. Потому что работать за деньги — эксплуатация, работать бесплатно — «трудовое воспитание» [Вот лежу я 2020].

Не существует такого явления как «богатые дети». Потому что у детей нет свободы, и нет защищенного государством права собственности [В «англоязычном» фейсбуке 2019].

Тем не менее у некоторых участников антиэйджистских пабликов эта риторическая стратегия стирания границ внутри группистской категории «дети и подростки» вступает в конфликт со знанием о наложении угнетенных идентичностей: авторы (особенно администратор паблика «Подслушано: эйджизм», для которой интерсекциональный активизм был источником вдохновения для создания антиэйджистского паблика) прямо сопоставляют дискуссии об отсутствии границ внутри группы «детей» с дискуссиями внутри феминистского движения и активизма за права людей с инвалидностью¹. Однако то, что такие

¹ «Мне это напоминает демагогии внутри феминизма, когда полностью игнорируют разные возможности женщин с востока и женщин с запада, и что вот низзя-низзя обсуждать разницу — сексизм же вездесуч и упоминание этой разницы это, типа, мизогиния... Но у меня язык не повернется

комментарии не становятся массовыми, а публикации на темы тотального бесправного положения детей в целом продолжают появляться, говорит о том, что в этом вопросе большинство антиэйджистов оказываются невосприимчивы к отказу от универсалий.

Присутствие детей рядом и наравне со взрослыми в таких традиционно взрослых сферах, как торговля, политика, активизм, — одна из популярных стратегий репрезентации антиэйджистского проекта «детского», а реализация утопии общественного и гражданского соучастия без возрастных ограничений оказывается напрямую связана с «антиэйджистской [культурной] революцией» [Про насилие в семье 2019].

Дети это «вы».

Дети это «мы».

Молодежь страны — это не «будущее» страны. Они не ждут дома, пока их родители начнут бороться за свои права. Они здесь, с нами, в этом бардаке, сейчас. Они — значительная часть этой страны, не в будущем, а сейчас. На них влияет политика, идеологии, нормализация ненависти и насилия, не в будущем, а сейчас.

И они действуют сейчас. Они делают знаки. Они маршируют. Они устраивают прогулки. Они работают в своих сообществах. Они выступают. Они волонтеры. Они организуют. Они начинают движения [Для спикеров на митингах 2020].

В паблике БЗР риторические стратегии, демистифицирующие угнетение, принимают новый поворот: авторы, с одной стороны, заявляют о необходимости полного отказа от сопоставления антиэйджизма и других движений за права «угнетенных» и дискредитируют сам язык угнетения, с другой — описывают увлечение движениями социальной справедливости как скрытый угнетающий механизм, который уводит детей от настоящей борьбы (борьбы за «права детей», а не «права на детей») и заставляет опознавать в себе жертв угнетения, пассивных и неспособных бороться.

В общем, ребятки, вас можно поздравить. Вы — частная собственность. Причем по всему миру. В связи с этим реально смешны ваши увлечения политикой, феминизмом / маскулизмом, и т.д. Вся эта борьба — борьба за интересы «угнетенных» взрослых людей. <...> Это дань моде? Или вы просто таким образом уходите от реальности, пытаетесь почувствовать

сказать, что мое детство было таким же нИвынАсимым, как у некоторых моих знакомых, у которых в детстве не было ничего из всего этого. И что все их детство, а иногда и зрелость в силу такого неприятного [неприятного] старта — это выживание» — комментарий Pfirs Ich от 14 февраля к посту [В «англоязычном» фейсбуке 2019].

себя взрослыми, значимыми? Что-то очень много в последнее время подростков, увлекающихся всем этим. Гораздо больше, чем борцов за СВОИ, подростково-молодежные интересы. Против частной собственности НА ВАС [Первое сентября 2017].

В паблике АЭК в качестве частичного отказа как от риторики угнетения, сложившейся в паблике «Подслушано: эйджизм», так и от критики риторики угнетения в варианте БЗР, изобретается другой способ говорить об эйджизме как о всепронизывающей системе угнетения. Авторы публикуют большие детальные выкладки, посвященные правам детей и их ограничениям, которые отражены в Конституции РФ и федеральных законах. В качестве таких правовых справок предлагаются, например, разборы трудовых прав ребенка, ответственности за совершение побега или процедуры правовой эмансипации [О трудовых правах подростков 2020; Свалить от родителей 2020; Эмансипация 2020].

Переход от свидетельств личных обид к публикации текстов, в которых авторы-антиэйджисты осуждают тотальную систему эйджизма, объясняющую в единой логике различные социальные ситуации и отношения, можно понять в терминах Л. Болтански как превращение обычной критики в метакритическую теорию [Boltanski 2011: 5–6, 12–13]. Этот сдвиг означает, что авторы-антиэйджисты в своем проекте знания отошли от случайных критических вмешательств и достигли такого уровня обобщения, что могут уже не ссылаться на конкретные ситуации, воображая скрытую и тотальную систему эйджизма. Появившиеся в 2015–2016 гг. «предложка», централизованная модерация контента и контролирующая роль администратора структурно определили создание метакритического антиэйджистского дискурса. Новая инфраструктура пабликов препятствовала реактуализации известных антиэйджистам жанров (преимущественно автобиографических текстов) и закрепляла канон теоретических конструкций, которые разоблачали угнетение, эксплуатацию или господство независимо от форм, которые те принимают.

***Дискриминация детей и подростков:
версии американских школьников-активистов
и авторов критических исследований детства***

История концептуализации детей и подростков как угнетенных, конечно, берет свое начало не в антиэйджистских пабликах «ВКонтакте». Хронологически им предшествовали, с одной стороны, движение американских школьников-активистов, которые довели до конца формулировку «угнетенные несовершеннолетние», с другой — авторы критических исследований

детства, которые утверждали и утверждают, что положение детей и подростков сравнимо с условиями угнетения и эксплуатации, описанными теоретиками феминизма, антирасизма и постколониализма.

Можно предположить, что риторическая формула, представляющая детей и подростков в качестве угнетенных, могла появиться только при условии существования риторики угнетения и образа ребенка как самодостаточного субъекта и полноценного участника социальных и политических отношений, который обладает правом на права¹. Утверждение этого проекта воображения детей и подростков конвенционально связывают с такими событиями международной политики, как Декларация и Конвенция ООН о правах ребенка 1959 и 1989 гг. Они трансформировали социальное воображение о детстве, сделав «права детей» доминирующей дискурсивной стратегией в политике и общественном сознании и представив несовершеннолетних как отдельную социальную группу, права и свободы которых необходимо обозначить, а механизмы их реализации придумать [Tisdall, Punch 2012: 256–258].

Угнетение детей впервые появляется как политическое высказывание в 1970-х гг., совпадая хронологически и концептуально с популяризацией дискурсов социальной справедливости и прав человека «новыми левыми» и с деятельностью различных эмансипаторных движений [Young-Bruehl 2012: 13–16, 142–152]. Так, в истории США риторика угнетения и дискриминации несовершеннолетних связана с сетью локальных школьных активистских групп, определявших себя как движение за освобождение несовершеннолетних, или Youth Liberation. Участники движения создавали и распространяли независимые школьные газеты, проводили акции протеста в школах и поддерживали митинги против войны во Вьетнаме². Как организованное движение они прекратили свое существование уже к концу десятилетия.

В это же время осмысленное в терминах «угнетения» и «дискриминации» несовершеннолетие появляется в академических текстах: в середине 1970-х гг. психиатры Ч. Пирс и Г. Аллен

¹ История появления фигуры ребенка как самостоятельного субъекта и полноценного гражданина подробно разработана в исследованиях детства [Arneil 2002; Ryan 2008; James, James 2012: 114–116; Дуденкова 2014; Wall 2020].

² В качестве примера можно привести бюллетень “FPS”, который выходил с 1969 по 1979 г. Редакторская группа “FPS” собирала и распространяла информацию о деятельности локальных независимых школьных газет в США и Канаде, публиковала «лучшие» письма и статьи и рассказывала о движении за гражданские права [A Short History 1971; Ajunwa 2011: 32–35; Fountain 2018: 229]. (Согласно объяснению создателей бюллетеня, его название не расшифровывается, так как «[п]редставление о том, что все буквы должны что-то обозначать — буржуазный, расистский, ревизионистский, либеральный, шовинистский заговор» [F.P.S. 1970: 1].)

используют термин «эйджизм» для обозначения дискриминации цветных детей и подростков, тем самым вводя дополнительное измерение в понимание расизма. Это понятие авторы позаимствовали из текста Р. Батлера, посвященного дискриминации старшего поколения [Butler 1969: 243; Young-Bruehl 2012: 299–300], но не стали его дорабатывать, а само слово «эйджизм» по отношению к несовершеннолетним не вошло в академический узус. Исчезнувшая из дискурса активистских сообществ и со страниц исследовательских текстов концепция дискриминации детей и подростков получает новое развитие на рубеже веков в условиях новых социальных и политических вызовов.

Так, на волне протестов против эскалации расовых и этнических конфликтов и антивоенных настроений в связи с политическим напряжением на Ближнем Востоке появляются локальные сообщества подростков-активистов и национальная сеть youth-led проектов, которые опознают сокращение школьных бюджетов, увеличение расходных статей на милитаризацию и укрупнение пенитенциарных систем как «свои» проблемы. Участники таких подростковых объединений, как Youth Power, Students Rise Up и др., противопоставляли себя взрослым активистским сообществам и критиковали современных им фем- и экоактивистов как недостаточно политически осознанных и эффективных, а анархистов как «предателей» подростков и молодежи. «Эйджизм» становился для них главным способом репрезентировать себя в публичной сфере. Именно в качестве антиэйджистских групп они присоединялись к антивоенным маршам и другим политическим акциям, разрабатывали реформы школы и учебных планов, создавали образовательные кружки и подключались к работе над законопроектами [Gordon 2010: 26–27, 120–121, 196–197].

Считая своей приоритетной практикой участия в публичной сфере прямые действия, американские подростки-активисты и в 1970-х, и в 2000-х гг. заимствуют риторические стратегии классиков анархизма Э. Голдман, М. Бакунина и П. Кропоткина и саму категорию «анархизм», чтобы дискурсивно воспроизвести свою борьбу против дискриминации детей и подростков как *движение, осуществляющее борьбу за свободу и социальную справедливость и против социальных иерархий* [Youth Liberation 1971; Gordon 2010: 26–28, 32; Silverstein 2015].

В последние два десятилетия участники проекта NYRA (National Youth Rights Association), действующего с 1998 г. по сегодняшний день, предлагают уже другой язык сопротивления эйджизму, определяя дискриминацию детей и подростков как научный предрассудок, распространенный благодаря популяризации психологии и нейробиологии [Moncure 2011;

Varajas 2016]. Участники NYRA ставят перед собой задачу показать, что процесс распределения прав и социальных ролей основан на ложных, доаналитических представлениях ученых о недоразвитости или какой-либо неполноценности тел и когнитивных способностей детей по сравнению с взрослыми.

Параллельно активистской дискурсивной работе в исследовательских сообществах появляется интерес к формулированию концепции угнетения детей и подростков, которая бы представляла их социально и эпистемологически маргинализованной группой. Такая интерпретативная работа оказалась востребована среди авторов междисциплинарной области исследований детства, или *childhood studies*, история которой начинается с публикации парадигмы новой социологии детства Э. Джеймс и А. Праута [Prout, James 2005; Alanen 2011: 149]. Последователи новой парадигмы приняли за теоретическую пресуппозицию, что ребенок является самодостаточным субъектом (*child as being*), противопоставив ее социологическим теориям социализации, теориям развития в психологии и педагогическим подходам, в которых ребенок понимался как объект интериоризации норм и моделей поведения и как ступень к развитию полноценного человека (*child as becoming*) [Ryan 2008: 553–554; Дуденкова 2014: 50–51; Esser et al. 2016]. Визитной карточкой направления стал концепт «детская агентность», на основе ранней версии которого был сформулирован этический императив по интерпретации детей как независимых и рациональных субъектов. Согласно А.С. Серебрякову, исследователи, делавшие ставку на детскую агентность, поддерживали либеральные или анархистские позиции, подчеркивая «необходимость личной эмансипации детей от неадекватных ограничений, мотивированных ложными представлениями о детских способностях и общественных ролях» [Серебряков 2022: 41].

Новая социология детства эксплицитно позиционировала себя и как инновативная научная дисциплина, исправляющая академическую слепоту и нечувствительность к детскому опыту, и как актор политической и социальной эмансипации детей, стоящий в одном ряду с другими интеллектуальными проектами освобождения — феминизмом, антирасизмом и постколониализмом. В 2000–2010-х гг. сюжеты власти, давления и сопротивления становятся каноном анализа детско-взрослых отношений [Alanen 2015: 149–150], а детская агентность опознается как «мантра», которая предопределяет исследование как «открытие» и описание детей в качестве агентных социальных субъектов [Lancy 2012; Tisdall, Punch 2012: 255; Козловская, Козлова 2020: 13–16].

Эксплицитное схождение проекта критических исследований детства с феминистскими теориями произошло в аналитическом понятии “childism”. Дж. Волл, основатель и руководитель Childism Institute, датирует появление этой аналитической категории 2006–2012 гг., ссылаясь на работу Э. Янг-Брюль и ее идею о системном предубеждении к детям. Используя психоаналитические техники интерпретации, фундированные текстами первого поколения франкфуртских теоретиков и популяризаторов феминизма 1980-х гг., Янг-Брюль показывает дискриминацию детей и подростков как универсальную психологическую реакцию, усугубляющуюся в периоды «неврозов», социально-психологических кризисов в масштабах общества и государства [Young-Bruehl 2009; 2012]. Подходя к дискриминации детей с философской и социологической позиции, Волл формулирует childism-парадигму как критику и социальных отношений, и социальных теорий, которые их описывают и воспроизводят. Опираясь на концепт «детская агентность», но считая его недостаточно критическим, он все же отдает предпочтение анархистским и либеральным позициям новой социологии детства¹. Волл формулирует childism-парадигму, буквально переписывая центральные тезисы критической феминистской философии Дж. Батлер и Л. Хейвуд под категорию «дети». Childism становится перспективой, в которой специфический детский опыт опознается как принцип деконструкции нормативности «взрослых» в детско-взрослых отношениях и реконструкции альтернативных языков описания и способов жизни как таковой [Wall 2012: 138].

Если представить антиэйджизм как концептуальное пространство, на котором можно расположить разные версии антиэйджистских теорий, то этот раздел показывает, где относительно других проектов, которые обращались к вопросам угнетения детей и подростков, стоят антиэйджистские паблики «ВКонтакте».

Так, несмотря на общие для всего антиэйджистского дискурса элементы, такие как критика авторитарной семьи и государства, русскоязычный антиэйджизм отличается от американских активистских низовых объединений против дискриминации несовершеннолетних и по механизмам производства языка говорения о детях, и по воображению себя как публичного актора, и по предлагаемым программам действий. Русскоязычный антиэйджизм не обращается к анархистским авторам, не предпо-

¹ «Исследования детства “третьей волны”, или то, что я бы назвал собственно “childism”, аналогичным образом стремились бы не только понять и включить детей в качестве агентов или участников, равных взрослым, но и более радикально преобразовать базовые научные и общественные структуры вокруг иного (*distinctive*) и разнообразного (*diverse*) опыта детей» [Wall 2012: 138–139].

лагает создание ячеек в школах и программ прямых действий. Мои информанты и авторы антиэйджистских пабликов в целом не опознают в популярной психологии и нейробиологии, с которыми они знакомы, отдельный объект критики. И хотя они хотели бы предлагать изменения на законодательном уровне, никто из них не считает это возможным.

В то же время русскоязычный антиэйджистский дискурсивный проект оказывается типологически сопоставим с рефлексией авторов новой социологии детства и их последователей. Преследуя одну и ту же цель — сделать видимым угнетение детей и подростков — оба этих проекта знания обратились к одним и тем же риторическим стратегиям и традициям мысли. Другими словами, интеллектуальное и языковое сближение академической и вернакулярной теорий чайлдизма-антиэйджизма можно понять как результат общих и для тех, и для других шагов, предпринятых в процессе производства знания. Такими шагами стало вовлечение в поиск скрытых отношений доминирования, составляющих тотальную систему угнетения, мобилизация риторики угнетения и социальной справедливости и, главное, обращение к гендерной проблематике как образцу для построения интерпретаций положения детей и подростков.

Русскоязычный антиэйджизм и его культурные союзники: контекстуальные причины сближения

Каким образом можно понять интеллектуальную близость академических и вернакулярных теорий?

Антрополог Ч. Хейл стал свидетелем судебных слушаний о земельных правах Авас Тингни, коренной общины майянья, в ходе которых представители индигенного сообщества успешно использовали стратегии культурной критики, осуждая политику ассимиляции и обращаясь к «современности» как времени признания культурных различий. Согласно Хейлу, подобное ситуативное заимствование «языка мастера» служит, чтобы дискурсивно произвести и легитимировать себя как участников публичной коммуникации, в том числе манипулировать решениями тех, для кого этот язык воплощает здравый смысл «современного» человека [Hale 2006: 105–110].

Подобная интерпретация не работает на кейсе антиэйджистских пабликов «ВКонтакте» периода мобилизации риторики угнетения детей и подростков: их квазипубличность, а именно отсутствие делиберативных механизмов внутри веб-сообщества и нежелание вступать в прямой диалог со своими союзниками и оппонентами, заставляет искать иной способ обоснования вовлеченности, с которой антиэйджисты создают критическую версию своего дискурсивного проекта.

Появление в антиэйджизме риторических стратегий угнетения нельзя объяснить и социальной спецификой группы или чтением антропологических и социологических текстов — интерпретация, которая работает, например, на материале католических традиционалистов в исследовании Е. Хонинева [Хонинева 2021: 135, 158–159]. В разговорах со мной антиэйджисты никогда не упоминали факт чтения подобной литературы и отрицали знакомство с ней, если я задавала прямые вопросы о конкретных авторах. К тому же мои собеседники, администраторы и активные участники антиэйджистских пабликов «ВКонтакте», ответы и посты которых я цитирую, — школьники старших классов или студенты первых-вторых курсов (не гуманитарных программ), не знакомые с критикой как корпоративным инструментом на профессиональном и образовательном опыте. При этом, конечно, очертить социальный портрет всех участников антиэйджистских пабликов невозможно. Не все из тех, кто готов разговаривать с исследователем, рассказывают о своей жизни вне пабликов «ВКонтакте», а страницы многих пользователей, которые подписывали свои публикации или оставляли комментарии, удалены ими самими или платформой.

Почему авторы антиэйджистских пабликов решили обратиться к критике, и именно к феминистской критике, чтобы сформулировать происходящее с ними или с детьми и подростками в целом? Я полагаю, что ответ на этот вопрос следует искать в процессах распространения феминистской риторики в русскоязычном публичном пространстве 2010-х гг.

После расцвета в России 1990-х гг. интереса к гендерной проблематике активистские и академические «инновации в 2000-х сошли на нет в контексте нового консервативного поворота во внутренней политике» [Rossmann 2021: 429]. Их возрождение в 2010-х гг. принято связывать с новым этапом интеллектуального сотрудничества между представительницами гендерных исследований и активизма, главным символом которого стала группа “Pussy Riot” [Channell 2014: 611]. Популярность феминизма была интенсифицирована «волной принимаемых консервативных законов и мобилизацией консервативных движений в определенных сегментах общества» [Здравомыслова, Темкина 2015: 94]. Таким образом, движение борцов за «моральную чистоту», готовых совершать репрессии против новых социальных движений [Kukuljin 2021: 187], и консервативно настроенная политическая элита спровоцировали дестигматизацию феминизма в общественном мнении. Как показала Г. Зеленина, процесс популяризации и переоценки феминистской повестки оказался не столько результатом сдвигов морального порядка и целенаправленного поворота к идеологии

социальной справедливости, сколько побочным эффектом массового символического сопротивления государственным решениям, обусловленного жесткими дискурсивными иерархиями и нарушенной работой каналов обратной коммуникации в обществе [Зеленина 2017: 98, 108–109]. К этому периоду относятся появление популярных блогов по феминистским вопросам, в которых активистки пишут не только о политической борьбе, но и о гендерных исследованиях, организуют группы чтения и образовательные мероприятия. Как замечает Э. Росман, эти ниши феминистской риторики в условиях неоконсервативного поворота, делегитимирующего все, что оказывается вне категории «семейные» или «традиционные ценности», стали продуктивным образовательным пространством. Например, они способствовали формированию нового поколения гендерных исследователей, которые узнают о повестке посредством профеминистских медиа и низового активизма, а не из академических курсов или текстов [Rossman 2021: 426–428].

В логической связи с возрождением феминизма и активной борьбой против него в России происходят изменения и в государственной детской и молодежной политике. В 2010-х гг., как пишет И. Кукулин, провластные медиа и политические акторы активно использовали образы «детей» и «подростков» как риторические фигуры оправдания репрессивных действий со стороны государства [Kukulín 2021: 181]. Закрепление в публичном дискурсе образа некомпетентного ребенка, которым манипулируют внешние агенты, особенно в вопросах политики, можно зафиксировать и в репрезентациях протестных акций 2017 г.: несмотря на определенный статистически возраст протеста 16–25 лет, их главными героями изображались школьники средних и младших классов [Ibid.]. Такая подмена оказалась возможна в том числе благодаря успешно организованной моральной панике вокруг детства и эффективности риторических стратегий репрезентации детей как беззащитных и одновременно опасных, некомпетентных и неспособных на моральную и политическую рефлексию.

Таким образом, криминализация «опасных западных ценностей», законы о цензуре СМИ и интернета становились частью молодежной политики и политики по защите детей от «негативного влияния на их здоровье и нравственность». Как мне кажется, подобная артикуляция государственных решений спровоцировала антиэйджистов искать в фемактивизме и его популярных изводах в пабликах «ВКонтакте» язык обсуждения тем, которые они понимали как детские.

Интерпретацию детства и детского как угнетенного и риторические приемы подозрения и демистификации скрытых во всех

сферах жизни механизмов контроля и подавления авторы-антиэйджисты заимствуют, перестраивают и критикуют, обращаясь к феминистскому дискурсу на основании общего объекта критики — неоконсервативной государственной политики. Трансфер этих риторических стратегий и делает русскоязычные антиэйджистские паблики созвучными тенденциям академической и активистской критической рефлексии о господствующих и репрессивных категориальных аппаратах, в том числе распространённой в критических исследованиях детства.

Антиэйджизм в личных нарративах: от артикуляции к искусству существования

— Ты говорила, что участвовала в молодежной организации? Это для тебя привычное что-то? Ты много участвуешь в подобном?

Катя: Это было поневоле. Я вообще, когда участвовала в конференциях со своими научными работами, биологическими, точнее с научной работой, биологической, я выиграла путевку во всероссийский детский центр N. И там я узнала на своей шкуре, что такое идеология, репрессивно навязываемая, что такое тоталитаризм, когда за тобой наблюдают круглосуточно и ты обязан любить что-то, даже если ты это не любишь. Нам просто целыми днями говорили... Это просто был удивительный опыт. С точки зрения социума. Вот когда людям целыми днями говорят: «Тут в N хорошо, тут в N хорошо, тут в N хорошо». И всем действительно становится хорошо. На это так страшно смотреть. [Рассказывает про литературный паблик и опубликованный там роман.]

— У тебя были какие-то ориентиры, книжки, которые тебя вдохновили, что-то такое?

Катя: Кино, театр, картины, музыка — это все очень важно, это все очень... Искусство неразрывно связано с нашей жизнью, оно меняет нашу жизнь. К сожалению, на данный момент очень мало фильмов, книг с антиэйджистским посылом. Но в каждой книге, где так или иначе повествование ведется вокруг подростков или детей, то так или иначе затрагиваются темы эйджизма, так и темы противостояния. То есть надо с другой стороны на все посмотреть. <...> Например, тот же Остер <...>. Хотя его нельзя назвать антиэйджистом, у него своя точка зрения, у родителя пяти детей, который пишет детские книги, но я считаю, что он многое хорошо подметил. И во многих книгах антиэйджистские идеи промелькивают. В некоторых даже светятся всеми своими лучами. Но иногда их оспаривают и опровергают. Иногда они подаются в трагичном ключе, что вот ничего не поменяется и ничего нельзя поменять.

Взять те же, допустим, биографии различных людей. Берем Горького, который писал «Детство», «В людях». И, короче, он тоже поднимал вопросы насилия над детьми, положения детей, что они не могут ничего делать против положения взрослых, социальное неравенство глазами детей и как сказывается это неравенство на положении детей. <...>. «Один дома» — очень хороший фильм с точки зрения эйджизма и антиэйджизма одновременно. Смотрите, ребенок остается один дома и живет круче, чем многие взрослые: понимает, на что потратит деньги, спасается от грабителей, которых даже не все полицейские могут поймать. Но там красной нитью идет такое, что он должен слушаться родителей, он должен слушаться отца, родители за него переживают, а он себя так ведет. <...> Ну вот все эти работы про травлю, типа «Чучела» или «Повелителя мух», они тоже хороши в этих вопросах. Но у них у всех есть такой момент, эйджистский, что дети априори жестоки. И что дети, если их много и если им позволить без взрослых что-то решать, если им позволить, то это будет ужас. «Повелитель мух» в этом отношении очень хороший пример. Это же гуманистическое произведение, оно направлено на критику самых жестоких сторон человеческой души, но там человеческая душа... Она как бы... Это мальчишки, оказавшиеся без родителей. И ключевой момент — что они сами решали за свою жизнь и сами построили вот такое общество, не самое лучшее. И главная мораль — нельзя им это доверять. Что человеческая природа такова, что до определенного возраста не нужно им давать так друг с другом поступать.

Этот фрагмент разговора с Катей был записан в самом начале полевой работы. Я только начинала знакомиться с участниками паблика, преодолевая свою роль читателя-подписчика, подсматривающего в веб-сообществе и чатах, и не знала, чего ожидать от наших разговоров. Будут ли со мной говорить? Будут ли пересказывать контент пабликов или общее понимание антиэйджизма? Или я обнаружу, что антиэйджизм скорее дискурсивная игра и подобные нарративы возможны только в веб-пространстве и не являются частью устного узуса?

Разговаривая со мной по два-три часа, созваниваясь несколько раз по видео, рассуждая на отвлеченные темы в личных переписках, мои собеседники очень насыщенно выстраивали свои нарративы по-антиэйджистски. Плотность описания себя и мира в антиэйджистской парадигме была одновременно удивительной и ожидаемой. Конечно, как администраторы, модераторы, авторы и постоянные участники чатов в антиэйджистских пабликах «ВКонтакте», мои собеседники говорили от лица антиэйджистского сообщества, на более или менее регулярной основе создавали антиэйджистские тексты

и участвовали в обсуждении антиэйджистского проекта. Однако они не только рассказывали про антиэйджизм как паблик, активизм или концепцию в целом или пересказывали сюжеты, распространенные в пабликах и чатах, например про возрастные ограничения или школьную форму как проявления эйджизма. В наших разговорах с Катей и другими участниками пабликов антиэйджизм присутствовал в нарративах и как гибкая и эффективная интерпретативная техника, с помощью которой мои собеседники описывали и демонстрировали свое понимание мира, и как концептуальное пространство, откуда можно почерпнуть способы изменить отношения с другими.

Такие личные истории становления антиэйджиста или конкретные способы достижения антиэйджистских образов ребенка или подростка не артикулируются в виде публикации и комментариев или сообщений в чате. Однако при личном общении оказывалось, что этот нарратив, не имеющий опубликованных аналогов, для моих собеседников наиболее значим. Это подталкивает рассматривать антиэйджизм через вопрос о том, как культурные тексты воплощаются в словах и действиях субъектов, или о том, как семантика и прагматика связаны друг с другом. Как замечает Р. Брубейкер, «техники себя», «производство себя» и «работа над собой» начиная с 1980–1990-х гг. оказываются одной из центральных исследовательских проблем в контексте «больших нарративов» трансформации социальных порядков и в то же время превращаются в «культурное обязательство», «повседневную привычку многих», словно вторя текстам М. Фуко и Н. Роуза, но исключая интенциональность субъекта в качестве обязательной характеристики [Brubaker 2023: 30–40]. Как мне кажется, случай российского антиэйджизма позволяет снова посмотреть на генеалогическую связь критической теории с эмансипаторными культурами и целенаправленным переводом аналитических тезисов в практически применимое знание — в репертуар реакций на конкретные виды опеки и формы подчинения, в программы воображения и преобразования субъекта и жизни как таковой [Rajchman 2007: 25].

Далее я представлю несколько небольших сюжетов, где участники антиэйджистских пабликов, рассказывая про себя, свои планы на жизнь и отношения с родителями или друзьями, включали антиэйджистскую критическую рефлексию о детях и подростках для соотнесения с собственными поступками и решениями. Здесь меня интересуют не реальные истории, которые стоят за этими рассказами, а возможность такой дискурсивной настройки и необходимость ее осуществления для моих информантов.

**«Я веду жизнь активного БЗРовца»:
антиэйджистская настройка жизненных решений**

Никита (20 лет, участник, 5 лет в антиэйджизме) познакомился с антиэйджизмом в 2015 г.: он подписался на паблик БЗР и стал следить за публикациями. По его словам, моментальный интерес к антиэйджизму был вызван «узнаванием себя во всех постах» и чувством сожаления, что это знакомство не случилось раньше: «[Е]сли бы я узнал... лет десять назад, то моя жизнь пошла бы по-другому, нежели сейчас». В нашей беседе Никита несколько раз вспоминал опубликованные записи и мемы в антиэйджистских пабликах и приводил похожие истории из своей жизни, которые описывал как «несправедливость» и «страдание от системы». Антиэйджизм стал для него «альтернативным» способом понимать «систему» и «несправедливость» детско-взрослых отношений, переопределить их из «необходимого зла» в решаемую проблему. Подчеркивая, что цель антиэйджизма состоит в том, чтобы «за детьми признали самопринадлежность и в них увидели независимых субъектов, а не придатков родителей», Никита рассказывает собственную историю про смену фамилии из-за поддразниваний в школе, демонстрируя этим осуществимость антиэйджистских целей: «Но мне удалось уболтать родителей. То есть там заявления я сам подавал, но нужно было разрешение, одобрить родители должны по закону».

Никита проговаривает для меня, что он самостоятельно принимал решение и сам занимался необходимыми документами, прибегая к помощи взрослых только по требованию закона. Притом что смена фамилии репрезентируется им как абсолютно рациональный шаг по решению проблемы с насмешками в школе, он замечает, что даже среди антиэйджистов редко кто решается на подобные бюрократические процедуры. Таким образом, Никита разыгрывает себя передо мной, с одной стороны, как исключительного антиэйджиста, «решившегося» сменить фамилию, несмотря на формальные сложности, связанные с этим процессом, с другой — как абсолютно автономного субъекта, который ставит цель, узнает план ее достижения и осуществляет его, сводя к минимуму помощь со стороны взрослых.

Федя (18 лет, администратор паблика, 4 года в антиэйджизме) на момент нашего разговора уже не был вовлечен в жизнь антиэйджистских пабликов, но в 2017 г. стал одним из создателей паблика АЭК. Свое решение о необходимости новой площадки для разговора об антиэйджизме Федя объяснял отсутствием в пабликах политического освещения вопроса детских прав и политической программы, «реальных действий». Федя хотел

организовывать одиночные пикеты, освещать вопрос антиэйджизма в политических партиях и «реально помогать» детям и подросткам. По его рассказам, участники морально поддерживали друг друга и совместно решали школьные домашние задания в чате паблика АЭЖ, а один раз даже собрали компанию и поехали в другой город, чтобы помочь единomyшленнику поговорить с родителями. Рассказав мне о своей долгой и насыщенной деятельности в антиэйджизме, Федя, подводя итог, говорит о влиянии его антиэйджистского опыта на профессиональный выбор. Ему хотелось работать с детьми, но опыт администратора и автора паблика подтолкнул его разобраться, нужны ли предлагаемые антиэйджизмом изменения. Поэтому, когда перед Федей встал вопрос, на каком направлении учиться, его выбор пал на детскую психологию, потому что она объясняет, «как это исправить и нужно ли это исправить прежде всего». Таким образом, антиэйджистский вариант критики, которым должен овладеть автор, чтобы несколько лет писать в пабликах, может стать основанием для критики самого антиэйджизма и провоцировать на поиск новых способов понимания положения детей и подростков, влияя на образовательные и профессиональные траектории.

По-другому на многолетний опыт авторства в антиэйджистских пабликах смотрит Маша (16 лет, участник, с 2021 г. администратор паблика, 6 лет в антиэйджизме), которая узнала об антиэйджизме в 10 лет, случайно наткнувшись на паблик БЗР. «Я полистала посты и поняла, что проблемы эйджизма — это то, с чем я сталкиваюсь постоянно. Для начала я, естественно, начала писать посты на своей странице со своим мнением. Ну помимо того, что я репостила и видела в антиэйджистских пабликах, я еще и свои какие-то комментарии к этой идее оставляла». Меня впечатлила продолжительная вовлеченность Маши в жизнь пабликов, и я прямо спросила, что она получает от участия в антиэйджизме, как оценивает наличие антиэйджизма и пабликов в своей жизни. В ее ответе «антиэйджизм» сформулирован уже не как участие в качестве автора или как идея о том, что дети и подростки угнетены и нуждаются в справедливости. Антиэйджизм предстает как стиль жизни, в соответствии с которым принимаются решения, строятся планы на будущее или находятся дополнительные смыслы в, казалось бы, не связанных с антиэйджизмом поступках.

Маша: *Если бы я не познакомилась с антиэйджистским движением, то я не занималась бы сейчас волонтерской и какой-то общественной деятельностью. Так как я планирую в ближайший год переезжать в Чехию, то я хочу там распространять это движение, привлекать людей там. И в какой-то момент попробовать разрастись, скооперироваться международно.*

И все, что обычно делают крупные движения. Что усиливает их мощь на мировой арене. Я планирую заниматься этим постоянно и после того, как мне исполнится 18 лет, и после того, как эйджизм будет мало меня касаться. Это теперь со мной навсегда.

Многие мои информанты указывали, что благодаря антиэйджизму они изменили способы разговаривать с родителями и учителями: для них становится свидетельством достижения антиэйджистской цели¹ как сам факт диалога со взрослыми, так и изменение коммуникативных стратегий ведения разговора.

Глеб (15 лет, администратор паблика, 5 лет в антиэйджизме): *Это сложный достаточно разговор. Иногда я беру некоторые цитаты из антиэйджистских пабликов, но проблема в том, что аргументы чаще всего разбиваются об их эти... типа аргументы. Что-то по типу «будешь дворником работать». Я пытался что-то дальше сказать, но на меня просто орали чаще всего и очень часто просто уходили. То есть они вообще не воспринимают аргументы.*

Маша: *Ключевой момент — это моя учеба. Отстаивая свои права перед родителями, перед школой, я в итоге добилась согласия на то, чтобы меня сначала перевели на домашнее обучение, потом в интернат-школу. Опять же разговорами, спорами, доказательствами я все-таки смогла добиться того формата обучения, который я хотела получить. И другая очень важная часть в моей жизни. У меня есть молодой человек. Мой молодой человек живет в городе за 4000 км от меня на данный момент. <...> И если бы не мое понимание эйджизма, если бы я не знала, что им сказать, что мне ответить другим людям — «ты еще маленькая, чтобы летать», «ты еще маленькая, чтобы ехать в другой город» и еще тысячи вещей, которые связаны с отношениями, я бы сейчас была абсолютно другим человеком и моя жизнь бы складывалась по-другому. И я благодарна тому, как она складывается на этот момент. Ну то есть на моих родителей повлияли именно аргументы против эйджизма, что ограничения по возрасту вообще нелогичны.*

Две последние цитаты показывают, что антиэйджизм выполняет функцию репертуара культурных образцов, к которым прибегают подростки в диалогах с взрослыми. Они используют антиэйджистский текст как источник для цитирования, как уже сложившийся и коллективно отточенный канон логики построения аргумента.

¹ **Матвей** (13 лет, участник, 1 год в антиэйджизме): *Теперь я не пытаюсь подстраиваться под взрослых, да и окружающих в целом, и всегда высказываю мнение по ситуации.*

Другим полем изменения коммуникативных стратегий становится организация отношений с детьми и подростками, которые младше моих информантов. Так, в нескольких интервью герои исследования делали акцент на том, что внимательно относятся к употреблению слов «инфантильный» и «ребенок» в уничижительном значении. Матвей: «Пытаюсь переучить свой мозг не на “ребенок”, а на “нытик” или что-то в таком духе. По ситуации».

Ксюша (16 лет, участник, 4 года в антиэйджизме), активно участвующая в обсуждениях чата, но, как она сама признается, «недостаточно смелая» и «погруженная в тонкости [антиэйджистской] матчасти», чтобы публиковать тексты, рассказывает о том, что антиэйджизм позволяет ей не только выстраивать уважительные и дружеские отношения с детьми помладше посредством исполнения роли «слушающего» и «принимающего советы», но и осуществлять рефлексию о собственном опыте и соотносить свое поведение и образ мыслей с антиэйджистским проектом.

Ксюша: *Я сейчас дружу с девочкой тринадцати лет, и когда она дает мне советы, я сама не то что вникаю в них, не то что мне нужен совет, у меня в голове звучит голос, иногда такой, эйджистский: «Что эта малолетка может посоветовать?» И я сразу его прогоняю, потому что это очень плохой голос. Да, конечно, я стала больше понимать и относиться к проявлениям эйджизма в себе. Я стала к младшему брату своему лучше относиться в связи с тем, что тема эйджизма стала чаще крутиться в голове. Ему восемь. Я его редко вижу. Ну я как будто бы стала больше уважать его мнение. И я, честно говоря, не могу сказать, что он прямо мой любимый брат. Но я просто уважительнее к нему отношусь, потому что антиэйджистские настроения проникли в меня. И, конечно же, к себе стала лучше относиться, чуть-чуть менее критично, ну то есть критично, но по другим вопросам.*

«Внутренний эйджистский голос» для Ксюши оказывается не просто инструментом, с помощью которого человек настраивает свои отношения с другими. Приобретение контроля над ним для нее свидетельствует об осуществлении ребенком или подростком (а имплицитно — всеми людьми) антиэйджистского утопического проекта «мира без эйджизма».

Ксюша: *Самое обидное — это среди сверстников, которые не заглушают, как я, этот внутренний эйджистский голос, а позволяют ему управлять собой, позволяют едкие высказывания в сторону тринадцатилетних, которые всего лишь младше их на три, ну может на четыре. Но все-таки я думаю, мир без эйджизма — тот, в котором мы такой душевный порыв...*

зарубить на корню. Потому что нам кажется, что человек меньше возраста глупее нас, мы не пытаемся понять, насколько мы правы, насколько мы компетентны в другом вопросе, чтобы судить о компетентности человека.

Практика внутреннего диалога, размышления с самим собой, становится одним из инструментов постоянной корректировки жизни, образа мыслей и отношений с другими. Такая практика позволяет Ксюше отслеживать неудачи, когда она не достигает желанной позиции в разговоре или отношениях и возвращается к той модели поведения, которую понимает как требующую изменений.

Ксюша: *Вот когда я сама с собой так рассуждаю, я чувствую, а вот когда я где-то среди людей нахожусь... Я недавно стояла в очереди с мамой и разговаривала про прививку. И там находилась какая-то знакомая ее, и она стала меня отчитывать. Она мне говорит: «Ты что, хочешь в гробу валяться?» И какие-то такие похожие всякие метафоры на это приводила. И я стояла, опустив глаза в пол, а когда пришла домой подумала: «А что? Кто она тебе? Что она тебе сделает? Ну хорошо, боишься ты и считаешь, что невежливо отвечать: “Какое ваше дело?” В глаза посмотреть не смогла». Ну вот просто я себя ощутила ребенком, который не имеет права сказать взрослому то, что взрослые, блин, всегда же знают, как лучше. И такие ситуации все равно происходят, даже когда я внутри себя переросла это, но по факту я себя веду как очень сильно забитый, зашуганный зверек, ребенок такой маленький. <...> Мне просто очень страшно со взрослыми, потому что я младше. Еще было неловко просить, всегда было неловко просить, ну какой-то порыв, просить психолога называть меня на вы. Ну не могу я к нему обращаться на ты, я с ним малознакома, а они могут ко мне. Какого-то хрена! И я все равно смогла это сделать, но было прямо сложно себя пересилить.*

Таким образом, мои собеседники конструируют на основе опыта участия в антиэйджистских пабликах очень разные практики взаимодействия с другими людьми. Вместе с тем у этих практик общая цель — преобразование своей жизни в соответствии с антиэйджизмом, и общие концептуальные основания — представление о детях и подростках как о независимых, самостоятельных, способных на социальную и политическую рефлексию субъектах; эксплицитное восприятие языка как инструмента изменения себя и окружающего мира; стремление преодолеть такие формы отношений, которые опознаются как исключительно односторонние, построенные на авторитете старшего для младшего. Мои собеседники (иногда заставляя себя, иногда ловя себя на неудаче) выстраивают такие отношения, в которых

они могут занимать как позицию «более знающего», так и позицию «слушающего» и «принимающего советы» по отношению к детям помладше и взрослым.

* * *

После доклада на конференции, где я рассказывала о репрезентациях детей и подростков в антиэйджистских пабликах, мои коллеги заметили, что никакого нового способа концептуализации детей антиэйджисты не предлагают и что такое же понимание роли детей и подростков характерно для новой социологии детства. Мне кажется, интрига этого кейса заключается не в уникальном смысловом наполнении антиэйджизма в соцсети «ВКонтакте», а именно в самом факте интеллектуального и языкового сходства русскоязычного антиэйджизма и критических исследований детства, т.е. двух дискурсивных феноменов, появившихся независимо друг от друга в типологически несопоставимых контекстах. Как я попыталась показать, то, что участники антиэйджистских пабликов и последователи критических исследований детства оперируют похожими интерпретативными техниками и приходят к одним и тем же способам утверждения агентности ребенка, даже в вопросе поэтики ключевых терминов, буквально параллельно разрабатывая свои языки говорения о детстве, — результат того, что оба проекта знания возникли в процессе трансфера риторических приемов феминистской критики. Другими словами, академическая теория, разоблачающая угнетение детей и подростков, и ее вернакулярная версия в антиэйджистских пабликах «ВКонтакте», не имея прямого отношения друг к другу, исторически происходят от одних и тех же техник мышления и разрабатываются на основе одних и тех же риторических матриц и конвенций.

Артикулированные в публичной сфере образы не-агентного ребенка — несамостоятельного и беззащитного, неспособного к рефлексии и актам выбора, непредсказуемого и от этого требующего специальных способов контроля, безответственного и глупого — порождают критику со стороны антиэйджистов и появление языка, который делает видимым их стремление изменить тот социальный мир, где законом и обывательской логикой они ограничены в правах и моделях поведения. Поскольку с помощью подобных образов неоконсервативный политический режим цензурировал и криминализовал гендерную повестку, антиэйджисты узнавали в феминизме культурного союзника, а в его риторике — способ обсуждать детские и подростковые проблемы.

Благодаря трансферу феминистской критики патриархата, сексизма и гендерного неравенства антиэйджисты узнают, что

обиды, нанесенные взрослыми, или запреты, с которыми они сталкиваются в семье и школе, можно понять и описать как элементы тотальной системы угнетения. Это систематическое понимание эйджизма расширило репертуар сюжетных мотивов: вместо автобиографических историй появляются обобщенные рассуждения о дискриминирующем языке или об экономических и политических режимах, делающих возможными угнетение несовершеннолетних.

Внутренние конфликты (как личные, так и идеологические) и аффордансы платформы «ВКонтакте» («предложка» и модерация контента) способствовали образованию в каждой паблике своего канона антиэйджистского высказывания — набора популярных сюжетов и способов их репрезентации. Несмотря на разные визуальные и риторические приемы — обращение исключительно к политическим сюжетам или предпочтение мемов и демотиваторов, эксплицитное сближение антиэйджизма и феминизма или же критику языка социальной повестки (на том же языке социальной повестки), ни в одном антиэйджистском паблике не возникало сомнений в том, что эйджизм как тотальная система угнетения и дискриминации несовершеннолетних существует и что с ним надо бороться. Вынося за скобки требования к академическому тексту и нюансы детской политики в евро-американском контексте, можно сказать, что с тем же тезисом работают и авторы критических исследований детства.

Однако феномен антиэйджистских пабликов «ВКонтакте» оказывается шире, чем история подражания и эксплуатации социально-критических дискурсов. Антиэйджисты не используют техники критической теории как профессиональную привычку или публичное прикрытие — они опознают в них «здоровый смысл», вычитанную из повседневного опыта мораль жизни, для которой необходимо только артикулировать никем, по их мнению, не проговариваемые «детские сюжеты».

С одной стороны, авторы-антиэйджисты, заменяя понятие «гендер» на категорию «возраст», изобретают новые термины, критикуют активистские тексты и пытаются выработать такой язык для разговора о детском и подростковом, который бы соответствовал воспринимаемой или воображаемой ими «детской» повседневности. С другой — мои собеседники интерпретируют антиэйджистский дискурс аналогично тому, как герои С. Люрман и А. Кругловой заполняют конкретными и актуальными для себя смыслами схематичные, абстрактные или догматичные рекомендации по обсуждению «идеологически важных» тем [Luehrmann 2011: 369–374; Kruglova 2017: 762–763]. Так, они пересматривают свое прошлое, выстраивают для себя

новые стратегии коммуникации, проверяют свои решения на соответствие антиэйджистским ценностям и непрерывно упражняются в таком способе воображения и интерпретации социального мира, в котором точкой отсчета выступают детско-взрослые отношения как требующая изменений тотальная система угнетения.

Таким образом, кейс антиэйджистских пабликов «ВКонтакте» демонстрирует не только то, как критические социальные теории продолжают «жить», не замечая границ академии, в виде повседневных лексиконов и риторических конструкций, но и то, что они могут становиться самосбывающимися пророчествами, вернакулярными реализациями критической философии и участвовать в создании дискурсивных пространств, в которых возможно не только подвергать сомнению нарративы о детстве и родительстве, здравый смысл и законодательные проекты, но и ставить неудобные вопросы самим себе и культивировать практику вопрошания как повседневное упражнение.

Благодарности

Благодарю М.Л. Лурье за поддержку и помощь в работе над статьей и С.А. Штыркова за вдохновляющие замечания к первой версии проекта. Большое спасибо Е.А. Хониневой, А.К. Касаткиной, С.И. Петрякову и другим коллегам за ценные комментарии и участие в обсуждении текста. Отдельная благодарность моим собеседникам из антиэйджистских пабликов в соцсети «ВКонтакте».

Источники

- [В «англоязычном» фейсбуке активисты] // ВКонтакте. Подслушано: эйджизм. 2019, 26 янв. <https://vk.com/wall-177175116_33>.
- [ВКонтакте самая популярная социальная сеть в Европе] // ВКонтакте. Live. 2011, 14 нояб. <https://vk.com/wall-2158488_140158>.
- [Вот лежу я, читаю про Международный день девочек] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2020, 11 окт. <https://vk.com/wall-47905106_5246>.
- [Вот цитата из спора на фейсбуке] // ВКонтакте. Подслушано: эйджизм. 2019, 25 янв. <https://vk.com/wall-177175116_16>.
- [Всем привет, моя мать меня ненавидит] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2016, 26 мая. (Запись удалена; архив автора).
- «Вырастешь — поймешь». Новый выпуск подкаста «Мел.Teens» — про эйджизм и взросление // Мел. 2020, 16 дек. <<https://mel.fm/teens/3586427-ko-vzroslym-ochen-mnogo-predyav-i-trebovany-podrostki--pro-eydzhizm-i-vzrosleniyee>>.
- Дети должны знать свои права! // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2012, 1 сент. <https://vk.com/wall-37349221_23>.

- Для спикеров на митингах // ВКонтакте. Подслушано: эйджизм. 2020, 30 марта. <https://vk.com/wall-177175116_2964>.
- [Пчелы за мед] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2013, 5 авг. <https://vk.com/wall-37349221_3317>.
- [На каждом кабинете] // ВКонтакте. Подслушано: эйджизм. 2019, 25 янв. <https://vk.com/wall-177175116_7>.
- О'Нил К.Н. Права Молодежи 101: Что такое эйджизм? // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2017, 14 янв. <https://vk.com/wall-37349221_45186>.
- О трудовых правах подростков // ВКонтакте. АЭК: Антиэйджистская коалиция. 2020, 19 дек. <https://vk.com/wall-180648405_548>.
- [Первое сентября — день траура] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2017, 1 сент. <https://vk.com/wall-37349221_47449>.
- Про насилие в семье и ювенальную юстицию // ВКонтакте. АЭК: Антиэйджистская коалиция. 2019, 18 дек. <https://vk.com/wall-180648405_77>.
- Свалить от родителей до 18 лет // ВКонтакте. АЭК: Антиэйджистская коалиция. 2020, 25 фев. <https://m.vk.com/wall-180648405_146>.
- [Сексист 19 века] // ВКонтакте. Подслушано: эйджизм. 2019, 24 янв. <https://vk.com/wall-177175116_3>.
- [Узрите] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2016, 16 мая. <https://vk.com/wall-47905106_2784>.
- [Феминистки часто говорят] // ВКонтакте. Подслушано: эйджизм. 2019, 17 апр. <https://vk.com/wall-177175116_961>.
- [Хорошо ответил] // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2014, 10 дек. <https://vk.com/wall-37349221_19431>.
- Экфорд А. 7 советов по освобождению от эйджистской лексики // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2016, 31 дек. <https://vk.com/wall-47905106_3466>.
- Экфорд А. Эйджизм как основа других видов дискриминации. Часть 2. Влияние на системы угнетения // ВКонтакте. Детско-молодежное освободительное движение БЗР. 2017, 17 марта. <https://vk.com/wall-37349221_46030>.
- Экфорд А. Мы вам не цветы жизни: 7 фраз о возрастной дискриминации // Мел. 2020, 26 дек. <<https://mel.fm/blog/ayman-ekford/45728-my-vam-ne-tsvety-zhizni-7-fraz-o-vozrastnoy-diskriminatsii>>.
- Эмансипация. Часть 1 // ВКонтакте. АЭК: Антиэйджистская коалиция. 2020, 19 мая. <https://m.vk.com/wall-180648405_268>.
- A Short History of CHIPS and FPS // FPS. 1971, Feb. 4. Is. 6. P. 7–8.
- Barajas S. A Brief Overview of the Problems with Teen Brain Science // NYRA: National Youth Rights Association. 2016, April 21. <<https://www.youthrights.org/a-brief-overview-of-the-problems-with-teen-brain-science/>>.
- F.P.S. // FPS. 1970, Oct. 25. Is. 2. P. 1–2.
- Moncure K. NYRA Freedom // NYRA: National Youth Rights Association. 2011, Aug. 21. <<https://www.youthrights.org/issue-7-7/>>.

Silverstein M. Anarchism and Youth Liberation // No! Against Adult Supremacy. 2015, June 20. Is. 1. P. 23–26. <<https://stinneydistro.wordpress.com/2015/06/>>.

Youth Liberation — Why? // FPS. 1971, Jan. 21. Is. 5. P. 1.

Библиография

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 640 с.

Алюков М. От публик к движению: контрпубличные сферы в российском интернет-пространстве перед протестом // Ерпылева С., Магун А. (отв. ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛО, 2014. С. 181–218.

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: НЛО, 2011. 976 с.

Горный Е. Русский LiveJournal: влияние культурной идентичности на развитие виртуального сообщества // Конрадова Н., Тойбинер К., Шмидт Э. (ред.). Control + Shift: публичное и личное в русском интернете. М.: НЛО, 2009. С. 109–130.

Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.

Ерпылева С. «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте // Ерпылева С., Магун А. (отв. ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛО, 2014. С. 106–140.

Желнина А. «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов // Ерпылева С., Магун А. (отв. ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛО, 2014. С. 143–180.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

Зеленина Г. Конструируя «Мизулину»: от evil medieval к газовым камерам // Архипова А.С.¹, Радченко Д.А., Титков А.С. (сост.). Городские тексты и практики. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. Т. 1: Символическое сопротивление. С. 96–111.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с.

Козловская А., Козлова А. Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 11–25. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25.

Львовский С. Под знаком ювенальной юстиции // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 1–2 (48). С. 20–41.

¹ Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.

- Радченко Д., Архипова А.*¹ Укроп и ватник: «язык вражды» российско-украинского конфликта как нападение и защита // *Ab Imperio*. 2018. № 1. P. 191–220.
- Серебряков А.С.* Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства // *Социология власти*. 2022. Т. 34. № 3–4. С. 29–49. doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49.
- Форум: Исследователь и объект исследования // *Антропологический форум*. 2005. № 2. С. 8–134.
- Форум: Отношения антрополога и изучаемого сообщества // *Антропологический форум*. 2016. № 30. С. 8–80.
- Хонинева Е.* Ритуал как предмет религиозной рефлексии в британской антропологии и католическом традиционализме // *Антропологический форум*. 2021. № 50. С. 131–168. doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-131-168.
- Штырков С.* Академическое религиоведение и антиколониальный протест: случай осетинского нативистского активизма // *Антропологический форум*. 2020. № 46. С. 127–154. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-127-154.
- Ajunwa K.* It's Our School Too: Youth Activism as Educational Reform, 1951–1979: PhD diss. / Temple University. Philadelphia, PA, 2011. VIII+237 p.
- Alanen L.* Critical Childhood Studies? // *Childhood*. 2011. Vol. 18. No. 2. P. 147–150. doi: 10.1177/0907568211404511.
- Alanen L.* Are We All Constructionists Now? // *Childhood*. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 149–153. doi: 10.1177/0907568215580624.
- Anker E.S., Felski R.* Introduction // Anker E.S., Felski R. (eds.). *Critique and Postcritique*. Durham, NC; L.: Duke University Press, 2017. P. 1–28.
- Arneil B.* Becoming versus Being: A Critical Analysis of the Child in Liberal Theory // Archard D., Macleod C.M. (eds.). *The Moral and Political Status of Children*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 70–94. doi: 10.1093/0199242682.003.0005.
- Boltanski L.* *On Critique: A Sociology of Emancipation*. Cambridge; Maiden, MA: Polity Press, 2011. XIV+191 p.
- boyd d.* White Flight in Networked Publics? How Race and Class Shaped American Teen Engagement with MySpace and Facebook // Nakamura L., Chow-White P.A. (eds.). *Race after the Internet*. N.Y.: Routledge, 2011. P. 203–222.
- Brubaker R.* *Trans: Gender and Race in an Age of Unsettled Identities*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2016. 256 p.
- Brubaker R.* *Hyperconnectivity and Its Discontents*. Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press, 2023. XI+264 p.
- Butler J.* Critique, Dissent, Disciplinarity // *Critical Inquiry*. 2009. Vol. 35. No. 4. P. 773–795. doi: 10.1086/599590.
- Butler R.N.* Age-Isms: Another form of Bigotry // *The Gerontologist*. 1969. Vol. 9. No. 4. Part 1. P. 243–246. doi: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243.

¹ Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.

- Channell E.* Is Sextremism the New Feminism? Perspectives from Pussy Riot and Femen // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42. No. 4. P. 611–614. doi: 10.1080/00905992.2014.917074.
- Collins P.H.* Intersectionality's Definitional Dilemmas // *Annual Review of Sociology*. 2015. Vol. 41. P. 1–20. doi: 10.1146/annurev-soc-073014-112142.
- Deeb H.N., Marcus G.E.* In the Green Room: An Experiment in Ethnographic Method at the WTO // *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*. 2011. Vol. 34. No. 1. P. 51–76. doi: 10.1111/j.1555-2934.2011.01138.x.
- Esser F., Baader M.S., Betz T., Hungerland B.* Reconceptualising Agency and Childhood: An Introduction // *Esser F., Baader M.S., Betz T., Hungerland B. (eds.). Reconceptualising Agency and Childhood: New Perspectives in Childhood Studies*. N.Y.: Routledge, 2016. P. 1–16.
- Felski R.* *The Limits of Critique*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2015. VIII+228 p.
- Fountain A.G. Jr.* Building a Student Movement in Naptown: The *Corn Cob Curtain* Controversy, Free Speech, and 1960s and 1970s High School Activism in Indianapolis // *Indiana Magazine of History*. 2018. Vol. 114. No. 3. P. 202–237. doi: 10.2979/indimagahist.114.3.02.
- Gordon H.R.* *We Fight to Win: Inequality and the Politics of Youth Activism*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2010. IX+254 p.
- Graeber D.* Anthropology and the Rise of the Professional-Managerial Class // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2014. Vol. 4. No. 3. P. 73–88. doi: 10.14318/hau4.3.007.
- Hale C.R.* Activist Research v. Cultural Critique: Indigenous Land Rights and the Contradictions of Politically Engaged Anthropology // *Cultural Anthropology*. 2006. Vol. 21. No. 1. P. 96–120.
- James Al., James Ad.* *Key Concepts in Childhood Studies*. L.: Sage Publications, 2012. 160 p. doi: 10.4135/9781526435613.
- Jameson F.* On Cultural Studies // *Rajchman J. (ed.). The Identity in Question*. N.Y.; L.: Routledge, 1995. P. 251–295.
- Kruglova A.* Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics // *Comparative Studies in Society and History*. 2017. Vol. 59. No. 4. P. 759–785. doi: 10.1017/S0010417517000275.
- Kukulin I.* The Culture of Ban: Pop Culture, Social Media and Securitization of Youth Politics in Today's Russia // *International Journal of Cultural Policy*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 177–190. doi: 10.1080/10286632.2021.1873968.
- Lancy D.F.* Unmasking Children's Agency // *AnthropoChildren*. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 1–20.
- Latour B.* Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 225–248. doi: 10.1086/421123.
- Luehrmann S.* The Modernity of Manual Reproduction: Soviet Propaganda and the Creative Life of Ideology // *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 26. Is. 3. P. 363–388. doi: 10.1111/j.1548-1360.2011.01103.x.

- Marcus G.E. Ethnography Two Decades after Writing Culture: From the Experimental to the Baroque // *Anthropological Quarterly*. 2007. Vol. 80. No. 4. P. 1127–1145. doi: 10.1353/anq.2007.0059.
- Marcus G.E. Introduction: Notes toward an Ethnographic Memoir of Super-vising Graduate Research through Anthropology's Decades of Transformation // Faubion J.D., Marcus G.E. (eds.). *Fieldwork Is Not What It Used to Be: Learning Anthropology's Method in a Time of Transition*. Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2009. P. 1–34.
- Miltner K.M., Gerrard Y. "Tom Had Us All Doing Front-End Web Development": A Nostalgic (Re)imagining of Myspace // *Internet Histories*. 2022. Vol. 6. No. 1–2. P. 48–67. doi: 10.1080/24701475.2021.1985836.
- Perheentupa I. Digital Culture and Feminist Politics in Contemporary Russia: Inside Perspectives // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian, and Central European New Media*. 2018. No. 19. P. 117–127.
- Postill J., Pink S. Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web // *Media International Australia*. 2012. Vol. 145. No. 1. P. 123–134. doi: 10.1177/1329878X12145001.
- Prout A., James A. A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems // James A., Prout A. (eds.). *Constructing and Reconstructing Childhood*. L.: Falmer Press, 2005. P. 7–32.
- Rajchman J. Introduction: The Question of Identity // Rajchman J. (ed.). *The Identity in Question*. N.Y.; L.: Routledge, 1995. P. VII–XIII.
- Rajchman J. Introduction: Enlightenment Today // Foucault M. *The Politics of Truth*. Los Angeles, CA: Semiotext(e), 2007. P. 9–27.
- Rossmann E. From Socialism to Social Media: Women's and Gender History in Post-Soviet Russia // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Vol. 44. No. 4. P. 414–432. doi: 10.1002/bewi.202100008.
- Ryan P.J. How New Is the "New" Social Study of Childhood? The Myth of a Paradigm Shift // *Journal of Interdisciplinary History*. 2008. Vol. 38. No. 4. P. 553–576. doi: 10.1162/jinh.2008.38.4.553.
- Sedgwick E.K. Paranoid Reading and Reparative Reading, or, You're So Paranoid, You Probably Think This Essay Is about You // Barale M.A., Goldberg J., Moon M., Sedgwick E.K. (eds.). *Touching Feeling Affect, Pedagogy, Performativity*. Durham, NC: Duke University Press, 2003. P. 123–151. doi: 10.1215/9780822384786-005.
- Summers I. *The Rhetorical Construction of Oppression in Activist Discourses*: PhD diss. / University of Utah. Salt Lake City, UT, 2019. 171 p.
- Tisdall E.K.M., Punch S. Not So "New"? Looking Critically at Childhood Studies // *Children's Geographies*. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 249–264. doi: 10.1080/14733285.2012.693376.
- Wall J. Imagining Childism: How Childhood Should Transform Religious Ethics // Bunge M.J. (ed.). *Children, Adults, and Shared Responsibilities: Jewish, Christian, and Muslim Perspectives*. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. P. 135–151. doi: 10.1017/CBO9780511894619.009.
- Wall J. Childhood in Western Philosophy // Cook D.T. (ed.). *The SAGE Encyclopedia of Children and Childhood Studies: In 4 vols*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2020. Vol. 1. P. 323–327.

Young-Bruehl E. Childism — Prejudice against Children // *Contemporary Psychoanalysis*. 2009. Vol. 45. No. 2. P. 251–265.
doi: 10.1080/00107530.2009.10745998.

Young-Bruehl E. *Childism: Confronting Prejudice Against Children*. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 2012. 353 p.

Justice for Children and Adolescents: Critical Theory and Anti-Ageist VK Web Communities

Irina Prus

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
prus.irene@gmail.com

This article discusses the production of a critical anti-ageism project. In this case ‘anti-ageism’ is an emic name for a small-scale web community of several readerships and groups that emerged in 2012 in VK social media. Its participants aim to stand against ageism, meaning discrimination against children and adolescents based on their age. Anti-ageists identify themselves as innovators who produce new ways of imagining children’s roles and challenging the social order. In 2015 their rhetorical strategies changed from producing evidence about personal trauma to formulating texts in the technique of critical social theory. The last ones include condemning ageism as a total system, and various situations and social relations as oppression, exploitation, or domination of children and adolescents, whatever the forms in which they occur. With oppression as a key strategically deployed rhetorical trope the discourse of anti-ageist VK web communities invites comparison with the tendencies of the academic and activist critique of dominant and repressive categorical apparatus. At the same time, the anti-ageists redefine the collective understanding of justice by proposing new visions of children’s agency and scenarios of children’s behaviour. The mechanisms of transfer of interpretive techniques of critical theory, especially the choice of cultural allies of anti-ageism, are presented from the perspective of digital ethnography and placed in the context of socio-political changes with attention to the material or technological landscapes and the modes of sociality of specific web fragments. The second part of the article demonstrates how anti-ageism is not only articulated on the internet but also embodied in the social imagination of participants in anti-ageist web communities. Transferring the oppression of children and adolescents from a textual motif into a technique that anti-ageists use in imagining and representing themselves and others opens up the prospect for a discussion about the place of critical theory in the scenes of everyday life.

Keywords: anti-ageism, VK social media, digital ethnography, new sociology of childhood, children's agency.

Acknowledgements

I am grateful to M. L. Lurie for his support and help in working on the article, and S. A. Shtyrkov for his insightful comments on an earlier draft of the project, E. A. Khonineva, A. K. Kasatkina, S. I. Petryakov and other colleagues for their valuable comments and participation in the discussion of the text. Above all, I am grateful to the participants of VK public pages about anti-ageism.

References

- Ajunwa K., *It's Our School Too: Youth Activism as Educational Reform, 1951–1979*: PhD diss., Temple University. Philadelphia, PA, 2011, VIII+237 pp.
- Alanen L., 'Critical Childhood Studies?', *Childhood*, 2011, vol. 18, no. 2, pp. 147–150. doi: 10.1177/0907568211404511.
- Alanen L., 'Are We All Constructionists Now?', *Childhood*, 2015, vol. 22, no. 2, pp. 149–153. doi: 10.1177/0907568215580624.
- Alexander J. C., *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press, 2003, XII+296 pp.
- Alyukov M., 'Ot publik k dvizheniyu: kontrpublichnye sfery v rossiyskom internet-prostranstve pered protestom' [From the Public to the Movement: Counter-Public Spheres in the Russian Internet Space before the Protest], Erpyleva S., Magun A. (eds.), *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: NLO, 2014, pp. 181–218. (In Russian).
- Anker E. S., Felski R., 'Introduction', Anker E. S., Felski R. (eds.), *Critique and Postcritique*. Durham, NC; London: Duke University Press, 2017, pp. 1–28.
- Arneil B., 'Becoming versus Being: A Critical Analysis of the Child in Liberal Theory', Archard D., Macleod C. M. (eds.), *The Moral and Political Status of Children*. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 70–94. doi: 10.1093/0199242682.003.0005.
- Boltanski L., *On Critique: A Sociology of Emancipation*. Cambridge; Maiden, MA: Polity Press, 2011, XIV+191 pp.
- Boltanski L., Chiapello È., *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard, 1999, 843 pp.
- boyd d., 'White Flight in Networked Publics? How Race and Class Shaped American Teen Engagement with MySpace and Facebook', Nakamura L., Chow-White P. A. (eds.), *Race after the Internet*. New York: Routledge, 2011, pp. 203–222.
- Brubaker R., *Trans: Gender and Race in an Age of Unsettled Identities*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2016, 256 pp.
- Brubaker R., *Hyperconnectivity and Its Discontents*. Cambridge; Hoboken, NJ: Polity Press, 2023, XI+264 pp.

- Butler J., 'Critique, Dissent, Disciplinarity', *Critical Inquiry*, 2009, vol. 35, no. 4, pp. 773–795. doi: 10.1086/599590.
- Butler R. N., 'Age-Ism: Another form of Bigotry', *The Gerontologist*, 1969, vol. 9, no. 4, part 1, pp. 243–246. doi: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243.
- Channell E., 'Is Sexremism the New Feminism? Perspectives from Pussy Riot and Femen', *Nationalities Papers*, 2014, vol. 42, no. 4, pp. 611–614. doi: 10.1080/00905992.2014.917074.
- Clément C., Miryasova O., Demidov A., *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiesya sotsialnye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From Ordinary People to Activists: Emergent Social Movements in Contemporary Russia]. Moscow: Tri kvadrata, 2010, 688 pp. (In Russian).
- Collins P. H., 'Intersectionality's Definitional Dilemmas', *Annual Review of Sociology*, 2015, vol. 41, pp. 1–20. doi: 10.1146/annurev-soc-073014-112142.
- Deeb H. N., Marcus G. E., 'In the Green Room: An Experiment in Ethnographic Method at the WTO', *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*, 2011, vol. 34, no. 1, pp. 51–76. doi: 10.1111/j.1555-2934.2011.01138.x.
- Dudenkova I., "'Detskiy vopros" v sotsiologii: mezhdru normativnostyu i avtonomiyey' ["Children's Question" in Sociology: Between a Normativity and an Autonomy], *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 3, pp. 47–59. (In Russian).
- Erpyleva S., "'Na mitingi ya ne khodil, menya roditeli ne otpuskali": vzroslenie, zavisimost i samostoyatel'nost v depolitizirovannom kontekste' ["I Didn't Go to Rallies, My Parents Didn't Let Me Go": Growing Up, Dependence and Independence in a Depoliticized Context], Erpyleva S., Magun A. (eds.), *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: NLO, 2014, pp. 106–140. (In Russian).
- Esser F., Baader M. S., Betz T., Hungerland B., 'Reconceptualising Agency and Childhood: An Introduction', Esser F., Baader M. S., Betz T., Hungerland B. (eds.), *Reconceptualising Agency and Childhood: New Perspectives in Childhood Studies*. New York: Routledge, 2016, pp. 1–16.
- Felski R., *The Limits of Critique*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2015, VIII+228 pp.
- 'Forum: Issledovatel i obyekt issledovaniya' [Forum: The Research Object and the Subjectivity of the Researcher], *Antropologicheskij forum*, 2005, no. 2, pp. 8–134. (In Russian).
- 'Forum: Otnosheniya antropologa i izuchaemogo soobshchestva' [Forum: The Anthropologist and the Community], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 30, pp. 8–80. (In Russian).
- Fountain A. G. Jr., 'Building a Student Movement in Naptown: The Corn Cob Curtain Controversy, Free Speech, and 1960s and 1970s High School Activism in Indianapolis', *Indiana Magazine of History*, 2018, vol. 114, no. 3, pp. 202–237. doi: 10.2979/indimagahist.114.3.02.
- Gordon H. R., *We Fight to Win: Inequality and the Politics of Youth Activism*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2010, IX+254 pp.
- Gorny E., 'Russian LiveJournal: The Impact of Cultural Identity on the Development of a Virtual Community', Schmidt H., Teubener K., Konradova N. (eds.),

- Control + Shift: Public and Private Usages of the Russian Internet*. Norderstedt: Books on Demand, 2006, pp. 73–90.
- Graeber D., ‘Anthropology and the Rise of the Professional-Managerial Class’, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2014, vol. 4, no. 3, pp. 73–88. doi: 10.14318/hau4.3.007.
- Hale C. R., ‘Activist Research v. Cultural Critique: Indigenous Land Rights and the Contradictions of Politically Engaged Anthropology’, *Cultural Anthropology*, 2006, vol. 21, no. 1, pp. 96–120.
- James Al., James Ad., *Key Concepts in Childhood Studies*. London: Sage Publications, 2012, 160 pp. doi: 10.4135/9781526435613.
- Jameson F., ‘On Cultural Studies’, Rajchman J. (ed.), *The Identity in Question*. New York; London: Routledge, 1995, pp. 251–295.
- Khonineva E., ‘Ritual kak predmet religioznoy refleksii v britanskoy antropologii i katolicheskom traditsionalizme’ [Ritual as a Subject of Religious Reflexivity in British Social Anthropology and Catholic Traditionalism], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 50, pp. 131–168. doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-131-168. (In Russian).
- Kozlovskaya A., Kozlova A., ‘Detskaya agentnost kak predmet teoreticheskoy diskussii i prakticheskaya problema (antropologicheskij kommentarij)’ [Children’s Agency as a Theoretical Problem and a Practical Concern (an Anthropological Remark)], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 45, pp. 11–25. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25. (In Russian).
- Kruglova A., ‘Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics’, *Comparative Studies in Society and History*, 2017, vol. 59, no. 4, pp. 759–785. doi: 10.1017/S0010417517000275.
- Kukulin I., ‘The Culture of Ban: Pop Culture, Social Media and Securitization of Youth Politics in Today’s Russia’, *International Journal of Cultural Policy*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 177–190. doi: 10.1080/10286632.2021.1873968.
- Lancy D. F., ‘Unmasking Children’s Agency’, *AnthropoChildren*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 1–20.
- Latour B., ‘Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern’, *Critical Inquiry*, 2004, vol. 30, no. 2, pp. 225–248. doi: 10.1086/421123.
- Luehrmann S., ‘The Modernity of Manual Reproduction: Soviet Propaganda and the Creative Life of Ideology’, *Cultural Anthropology*, 2011, vol. 26, is. 3, pp. 363–388. doi: 10.1111/j.1548-1360.2011.01103.x.
- Lvovskiy S., ‘Pod znakom yuvenalnoy yustitsii’ [Going beyond Justice: Defending the Defenseless], *Pro et Contra*, 2010, vol. 14, no. 1–2 (48), pp. 20–41. (In Russian).
- Marcus G. E., ‘Ethnography Two Decades after Writing Culture: From the Experimental to the Baroque’, *Anthropological Quarterly*, 2007, vol. 80, no. 4, pp. 1127–1145. doi: 10.1353/anq.2007.0059.
- Marcus G. E., ‘Introduction: Notes toward an Ethnographic Memoir of Super-
vising Graduate Research through Anthropology’s Decades of Trans-
formation’, Faubion J. D., Marcus G. E. (eds.), *Fieldwork Is Not What It
Used to Be: Learning Anthropology’s Method in a Time of Transition*.
Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2009, pp. 1–34.

- Miltner K. M., Gerrard Y., “Tom Had Us All Doing Front-End Web Development”: A Nostalgic (Re)imagining of Myspace’, *Internet Histories*, 2022, vol. 6, no. 1–2, pp. 48–67. doi: 10.1080/24701475.2021.1985836.
- Perheentupa I., ‘Digital Culture and Feminist Politics in Contemporary Russia: Inside Perspectives’, *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian, and Central European New Media*, 2018, no. 19, pp. 117–127.
- Postill J., Pink S., ‘Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web’, *Media International Australia*, 2012, vol. 145, no. 1, pp. 123–134. doi: 10.1177/1329878X12145001.
- Prout A., James A., ‘A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems’, James A., Prout A. (eds.), *Constructing and Reconstructing Childhood*. London: Falmer Press, 2005, pp. 7–32.
- Radchenko D., Arkhipova A.¹, ‘Ukrop i vatnik: “yazyk vrazhdy” rossiysko-ukrainskogo konflikta kak napadenie i zashchita’ [The Dill and the Watchcoat: The Hate Speech of the Russo-Ukrainian Conflict as Attack and Defense], *Ab Imperio*, 2018, no. 1, pp. 191–220. (In Russian).
- Rajchman J., ‘Introduction: The Question of Identity’, Rajchman J. (ed.), *The Identity in Question*. New York; London: Routledge, 1995, pp. VII–XIII.
- Rajchman J., ‘Introduction: Enlightenment Today’, Foucault M., *The Politics of Truth*. Los Angeles, CA: Semiotext(e), 2007, pp. 9–27.
- Rossmann E., ‘From Socialism to Social Media: Women’s and Gender History in Post-Soviet Russia’, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, 2021, vol. 44, no. 4, pp. 414–432. doi: 10.1002/bewi.202100008.
- Ryan P. J., ‘How New Is the “New” Social Study of Childhood? The Myth of a Paradigm Shift’, *Journal of Interdisciplinary History*, 2008, vol. 38, no. 4, pp. 553–576. doi: 10.1162/jinh.2008.38.4.553.
- Sedgwick E. K., ‘Paranoid Reading and Reparative Reading, or, You’re So Paranoid, You Probably Think This Essay Is about You’, Barale M. A., Goldberg J., Moon M., Sedgwick E. K. (eds.), *Touching Feeling Affect, Pedagogy, Performativity*. Durham, NC: Duke University Press, 2003, pp. 123–151. doi: 10.1215/9780822384786-005.
- Serebryakov A. S., ‘Rebenok v mire agentov i struktur: ob antinomiyakh issledovaniy detstva’ [A Child in a World of Agents and Structures: On the Antinomies of Childhood Studies], *Sotsiologiya vlasti*, 2022, vol. 34, no. 3–4, pp. 29–49. doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49. (In Russian).
- Shtyrkov S., ‘Akademicheskoe religiovedenie i antikolonialnyy protest: sluchay osetinskogo nativistского aktivizma’ [Academic Religious Studies and Anticolonial Protest: The Case of Ossetian Nativist Activism], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 46, pp. 127–154. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-127-154. (In Russian).
- Summers I., *The Rhetorical Construction of Oppression in Activist Discourses*: PhD diss., University of Utah. Salt Lake City, UT, 2019, 171 pp.
- Tisdall E. K. M., Punch S., ‘Not So “New”? Looking Critically at Childhood Studies’, *Children’s Geographies*, 2012, vol. 10, no. 3, pp. 249–264. doi: 10.1080/14733285.2012.693376.

¹ Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.

- Wall J., 'Imagining Childism: How Childhood Should Transform Religious Ethics', Bunge M. J. (ed.), *Children, Adults, and Shared Responsibilities: Jewish, Christian, and Muslim Perspectives*. New York: Cambridge University Press, 2012, pp. 135–151.
doi: 10.1017/CBO9780511894619.009.
- Wall J., 'Childhood in Western Philosophy', Cook D. T. (ed.), *The SAGE Encyclopedia of Children and Childhood Studies*: in 4 vols. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2020, vol. 1, pp. 323–327.
- Young-Bruehl E., 'Childism — Prejudice against Children', *Contemporary Psychoanalysis*, 2009, vol. 45, no. 2, pp. 251–265.
doi: 10.1080/00107530.2009.10745998.
- Young-Bruehl E., *Childism: Confronting Prejudice Against Children*. New Haven, CT; London: Yale University Press, 2012, 353 pp.
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A., *12 lektsyy po gendernoy sotsiologii* [12 Lectures on Gender Sociology]: A textbook. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2015, 768 pp. (In Russian).
- Zelenina G., 'Konstruiruya "Mizulinu": ot evil medieval k gazovym kameram' [Constructing "Mizulina": From Evil Medieval to Gas Chambers], Arkhipova A. S.¹, Radchenko D. A., Titkov A. S. (comp.). *Gorodskie teksty i praktiki* [Urban Texts and Practices]. Moscow: RANEPА Publishing House "Delo", 2017, vol. 1: *Simvolicheskoe soprotivlenie* [Symbolic Resistance], pp. 96–111. (In Russian).
- Zhel'nina A., "'Ya v eto ne lezu": vospriyatie "lichnogo" i "obshchestvennogo" sredi rossiyskoy molodezhi nakanune vyborov' ["I Don't Get into It": Perception of "Personal" and "Public" among Russian Youth on the Eve of Elections], Erpyleva S., Magun A. (eds.), *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: NLO, 2014, pp. 143–180. (In Russian).

¹ Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.